

A movie poster for the Russian film 'Dann Ryys: Кровавый гимн'. The central figure is a young man with long, wavy blonde hair and striking blue eyes. He is dressed in a dark suit jacket over a light blue shirt and a red patterned scarf. He holds a small glass of red wine in his right hand, which also features a large ring. His left wrist is adorned with a bracelet of colorful beads and skull charms. The background is a vibrant, stylized city street at night, with a full moon in the sky and various neon signs, including one for 'TROPICAL ISLE'. The overall atmosphere is mysterious and gothic.

ВАМПИРСКИЕ
ХРОНИКИ

ДАНН РЫЙС

Кровавый гимн

Вампирские хроники

Энн Райс

Кровавый гимн

«ЭКСМО»

2003

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Райс Э.

Кровавый гимн / Э. Райс — «Эксмо», 2003 — (Вампирские хроники)

ISBN 978-5-04-089038-5

И вновь Лестат, герой знаменитых «Вампирских хроник», обращается к своим почитателям, чтобы поведать им о событиях захватывающих и невероятных. На затерянной среди болот ферме, куда приезжает Лестат, появляется Мона Мэйфейр, сбегавшая из медицинского центра и больная неизлечимой болезнью. Чтобы спасти Мону, необходимо совершить Обряд Тьмы, но это значит, что ей навсегда закрыт путь в царство небесное, где ее ожидают предки. К тому же Моне просто необходимо остаться на этом свете, ведь она хочет найти свою украденную дочь Морриган, странное существо, в котором течет кровь Талтосов. Вампир Лестат вызывается помочь Моне, и в ходе поисков ему приоткрывается завеса тайны рода Мэйфейров – тайны, знание которой оборачивается для него новыми бедами.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-089038-5

© Райс Э., 2003
© Эксмо, 2003

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	46
Глава 7	50
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Энн Райс

Кровавый гимн

Стэну Райсу (1942–2002) – любви всей моей жизни

Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд.

Екклезиаст, 11:9

Глава 1

Хочу быть святым. Хочу спасти души миллионов. Хочу творить добро по всему миру. Хочу сражаться со злом! Хочу, чтобы в каждой церкви стояла моя статуя в натуральную величину, то есть статуя голубоглазого блондина шести футов ростом...

Погодите-ка...

Вам известно, кто я?

Я хочу сказать, вдруг вы мой новый читатель и никогда прежде обо мне не слышали.

Что ж, в таком случае позвольте представиться. Это я с превеликим удовольствием делаю в начале каждой своей книги.

Я – вампир Лестат, самый могущественный и самый обворожительный из всех когда-либо существовавших вампиров. Сверхъестественное существо, сногшибательный красавец, двухсот лет от роду, навсегда сохранивший внешность двадцатилетнего мужчины с лицом и телом, ради которых любой готов расстаться с жизнью... И вполне может в этом преуспеть. Я бесконечно изобретателен и обольстителен. Смерть, болезни, время, земное притяжение – все это для меня ничего не значит.

У меня только два врага: дневной свет, ибо он лишает меня жизненных сил, а палящие лучи солнца ранят мою плоть, да еще совесть. Иными словами, я навсегда обречен быть обитателем вечной, беспросветной ночи, мучимым неутолимой жаждой крови.

Кто перед таким устоит?

Прежде чем я вновь дам волю своему воображению, позвольте вас уверить в том, что я мастерски пишу в стиле постренессанса и постмодерна, в стиле конца девятнадцатого века и в постпопулярном стиле. Ничего нового я не выдумываю. Вы получите полноценную историю с началом, серединой и концом. Я имею в виду сюжет, персонажи и напряженное действие – произведение.

Я позабочусь о вас, так что расслабьтесь и приступайте к чтению. Вы не пожалеете. Думаете, мне не нужны новые читатели? Я воплощение жажды, детка. И должен обладать тобой!

Итак, раз уж мы ненадолго отвлеклись от рассуждений о моем страстном желании стать святым, позвольте мне сказать несколько слов своим преданным поклонникам. Да и новичкам советую их не пропустить. Гарантирую, понять меня будет несложно. Зачем мне создавать вам сложности? Ведь тем самым я обреку себя на провал.

А теперь я обращаюсь к тем, кто передо мной преклоняется. А их, как известно, миллионы.

Вы заявляете, что хотите снова получить от меня весточку. Возле ворот моего дома в Новом Орлеане вы оставляете желтые розы и записочки: «Лестат, поговори с нами»; «Подари нам новую книгу»; «Лестат, мы любим “Вампирские хроники”»; «Лестат, почему от тебя нет никаких известий?»; «Лестат, пожалуйста, вернись».

Но скажите, мои возлюбленные поклонники (только не пытайтесь отвечать все сразу), что, черт возьми, произошло, когда я подарил вам «Мемноха-дьявола»? Это была последняя из «Вампирских хроник», написанная лично мною.

О да, вы купили эту книгу. На этот счет, мои возлюбленные читатели, у меня к вам нет никаких претензий. Действительно, «Мемнох» по продажам оставил далеко позади все остальные «Вампирские хроники». Здорово, не правда ли? Но оценили вы эту книгу? Поняли ее? Перечитали дважды? Поверили ей?

Мальчики и девочки, я побывал на суде Всемогущего Господа Бога и в самых глубинах преисподней, и я исповедовался вам, с предельной откровенностью рассказал о всех своих сомнениях и страданиях в надежде, что вы поймете причины, заставившие меня спасаться

бегством от жуткой перспективы по-настоящему стать святым. И что получил в ответ? Вы набросились на меня с претензиями!

«Куда подевался Вампир Лестат?» – вот что вас интересовало. – Где Лестат с его обнажающей сверкающие острые клыки улыбкой? Где Лестат в черном щегольском сюртуке и английских сапогах, Лестат, фланирующий по сверкающим и зловещим, не сулящим ничего хорошего улицам городов всего мира, заполненных терзаемыми страстями смертными – потенциальными жертвами, большинство из которых заслужили поцелуй вампира?» Вот что вас волновало!

Где Лестат, этот ненасытный кровопийца и губитель душ? Лестат – мститель, Лестат – коварный? Лестат... Довольно! Скажем просто: Лестат Великолепный.

Да, это мне нравится – Лестат Великолепный! По мне, звучит подходяще для этой книги. А я действительно великолепен – в чем вы убедитесь, когда осилите сей труд. Я хочу сказать – кто-то должен произнести это вслух. Но давайте вернемся к шумихе, которую вы подняли вокруг «Мемноха».

«Нам не нужны жалкие ошметки какого-то шамана! – так вы говорили. – Нам нужен наш герой. Где его классический «харлей»? Пусть Лестат наденет свои фиолетовые солнечные очки, выжмет газ и промчится по улицам и аллеям Французского квартала. Пусть он подпевает музыке, что льется из его крохотных наушников. И пусть светлые кудри развеваются на ветру за его спиной».

Что ж, круто, мне нравится такой имидж. Без вранья. У меня по-прежнему есть байк. О да, я обожаю носить сюртуки, шью их на заказ – тут я не намерен с вами спорить. И сапоги, всегда только сапоги. Желаете знать, что на мне сейчас?

Не собираюсь вас в это посвящать.

Во всяком случае, пока не собираюсь.

Вы хотя бы попробуйте понять, что я пытаюсь вам сказать.

Я преподнес вам метафизическую картину Сотворения Мира и Вечности, всю (более или менее всю) историю христианства и в избытке рассуждения о времени и о Вселенной... И как вы меня отблагодарили? «Что это за роман? – вопрошали вы. – Мы не просили тебя отправляться на Небеса или в ад! Мы хотим, чтобы ты был изощренным злодеем!»

Mon Dieu! Вы меня расстроили! Это правда, и вам следует об этом знать. Я так вас люблю, вы так нужны мне, я просто не существую без вас, а вы меня так расстроили!

Что ж, давайте, зашвырните эту книгу подальше. Плюньте в меня. Осыпьте ругательствами. Я бросаю вам вызов. Выбросьте меня из головы. Выкиньте из вашего рюкзака. Затолкайте под крышку урны в аэропорту. Оставьте на скамейке в Центральном парке!

Мне-то что?

Вру. Я не хочу, чтобы вы так со мной поступили. Не делайте этого.

НЕ ДЕЛАЙТЕ ЭТОГО!

Я хочу, чтобы вы прочитали каждую страницу, каждую написанную мной строчку. Хочу, чтобы моя проза поглотила вас. Я бы пил вашу кровь, если б смог, я заставил бы вас погрузиться во все мои воспоминания, испытать все мои сердечные муки, встать на мою точку зрения, пережить кратковременные победы, незначительные поражения, необъяснимые временные отступления. Ну что ж, довольно, я оденусь подобающим образом. Когда я, собственно, одевался неподобающе? Кто-нибудь выглядит в лохмотьях достойнее, чем я?

Вздых.

Ненавижу свой лексикон!

Ну почему, сколько бы я ни читал, в конечном счете я выражаюсь как обыкновенный малообразованный сопляк?

Конечно же, главное объяснение этому – мое страстное желание произвести на свет нечто доступное любому смертному. Я хочу, чтобы мои книги читали и на стоянках трейлеров, и в университетских библиотеках. Понимаете, о чем я?

Несмотря на страстный интерес к культуре и искусству, я отнюдь не принадлежу к элите. Разве вы это еще не поняли?

Еще один вздох.

Я в отчаянии! Изнуренный, утомленный собственным существованием дух – таков удел думающего вампира. Мне следовало бы выйти из дома и лишиться жизни какого-нибудь плохого парня, лакать и слизывать, словно с эскимо на палочке, его кровь. А вместо этого я сижу и пишу книгу.

Вот почему ни богатство, ни власть не способны заставить меня умолкнуть надолго. Отчаяние – вот что питает этот источник. Что, если все бессмысленно? Что, если превосходная французская мебель, отделанная золотом и натуральной кожей, – ничто в существующей системе миропорядка? Подышать от безысходности в дворцовых покоях можно с тем же успехом, что и в полуразвалившейся лачуге. Не говоря уже о гробах! Забудьте о гробах, дети мои. Я давно уже не нуждаюсь в гробах. Это все бредятина. Хотя... Не буду отрицать, что мне нравилось спать в них в прежние времена. В некотором смысле несравнимое ощущение...

Так о чем я говорил?

Ах да, продолжим, но...

Пожалуйста, позвольте мне прежде поскулить, рассказать о том, как повлияло на мой рассудок столкновение с Мемнохом.

Прошу внимания! Это относится и к новым, и к старым моим читателям.

Я оказался во власти божественности и святости! Люди называют это дарованием веры. Ну, не знаю... Я бы сравнил это скорее с автокатастрофой! Душа моя подверглась жесточайшему насилию. После посещения Небес и преисподней трудно оставаться полноценным вампиром. Следовало бы оставить немного метафизического пространства и для меня.

То и дело я наталкиваюсь на эти скромненькие заклинания: «Я БОЛЬШЕ НЕ ХОЧУ ТВОРИТЬ ЗЛО!»

Только не вопите хором: «Мы хотим, чтобы ты был плохим парнем, ты нам обещал!»

Я вас понимаю. Но и вы должны осознать, через что мне довелось пройти. Это было бы справедливо.

«Быть плохим – мое лучшее качество» – старый слоган.

Если на моей футболке еще нет такой надписи, она непременно там появится. Можете удивляться, но я действительно не хочу писать ничего, что нельзя было бы прочитать на какой-нибудь футболке. Я вообще предпочел бы печататься только на футболках. В самом деле, я бы с удовольствием писал на них целые романы. Тогда вы, девочки и мальчики, могли бы общаться в таком ключе: «Я ношу восьмую главу нового романа Лестата. Свою любимую. А ты, вижу, носишь шестую...»

Время от времени я действительно ношу... Все, довольно!

Неужели нет выхода?

Я плетусь по аллее Пиратов – бродяга, скрывающийся под жалкими остатками истинной добродетели, а тут тихонько подваливаете вы и шепчете: «Лестат, проснись!» Я резко разворачиваюсь и... Бах! Я, как Супермен, избегаю столкновения с одной из расставленных по всей Америке телефонных будок, а потом... Вуаля! Вот он я – призрак при полном параде, вновь одетый в бархат, и держу вас за глотку. Мы стоим на паперти кафедрального собора – а куда, по-вашему, мне следовало вас затащить? Разве вам не хочется умереть на освященной земле? Вы умоляли об этом всю дорогу. Упс! Ну, это уже слишком, ведь речь шла только

об одном маленьком глотке! Только не говорите, что я вас не предупреждал. Пошевелите мозгами. Предупреждал?

Ладно, хорошо, забыли, ничего страшного, хватит заламывать руки. Да, да, конечно, уймитесь наконец. Заткнитесь!

Сдаюсь. Естественно, мы собираемся предаться абсолютному, совершенному греху!

Да и кто я такой, скажите на милость, чтобы отказываться от своего призвания быть в полном смысле слова римско-католическим автором? Поймите, «Вампирские хроники» – это мое произведение и только тогда, когда обращаюсь к вам, я не чувствую себя чудовищем. Вот почему я пишу это: вы нужны мне, я не могу существовать без вас. Без вас я беспомощен...

И вот я вернулся. Вдох, содрогание, ухмылки, чечетка. Я практически готов заполнить символический каркас этой книги отменным содержанием, вполне соответствующим всему написанному ранее. Клянусь призраком покойного отца, отступление от определенного уровня в моем мире невозможно!

Все дороги ведут ко мне.

Тишина.

Барабанная дробь.

Но прежде чем обратиться к реальности, позвольте немного пофантазировать. Мне это необходимо. Ничего не могу с собой поделаться. Я не бегун на короткие дистанции, мальчики и девочки, разве не ясно?

И потом, если вам действительно неважно читать это, прямо сейчас переходите ко второй главе. Вперед, вас никто не держит!

А тех из вас, кто по-настоящему любит меня, кто хочет понять каждый нюанс истории, которая ожидает нас впереди, я приглашаю следовать за мной. Прошу.

Я хочу быть святым. Хочу спасти души миллионов. Хочу творить добро по всему миру. Хочу сражаться со злом! Я хочу, чтобы в каждой церкви стояла моя гипсовая статуя в натуральную величину. Да, моя – шести футов высотой, в длинных бархатных одеждах, со слегка разведенными руками и стеклянными голубыми глазами, обращенными сверху вниз на верующих, которые взывают ко мне, касаясь моих ног: «Лестат, излечи меня от рака, найди мои очки, помоги моему сыну завязать с наркотиками, сделай так, чтобы муж меня любил...»

В Мехико юноши направляются к дверям семинарии, сжимая в руках мои статуэтки. А в это время в кафедральном соборе матери рыдают, стоя передо мной на коленях: «Лестат, спаси моего малыша. Лестат, избавь от боли. Лестат, я могу ходить! Смотрите, статуя шевелится! Я вижу слезы!»

В столице Колумбии Боготе наркотороители складывают у моих ног оружие. Убийцы с моим именем на устах падают на колени.

В Москве патриарх с мальчиком-калекой на руках молится перед моим изваянием, и мальчик выздоравливает. Благодаря моему вмешательству во Франции люди тысячами возвращаются в лоно Церкви. Они шепчут, обращаясь ко мне: «Лестат, я помирился с моей вороватой сестрой! Лестат, я расстался со своей порочной подружкой! Лестат, я разоблачил банковские махинации. Сегодня я впервые за многие годы пришел на мессу. Я уйду в монастырь, и ничто меня не остановит!»

В Неаполе при извержении Везувия процессия верующих несет к подножию вулкана мою статую, чтобы остановить потоки лавы и уберечь от гибели прибрежные города. В Канзас-Сити тысячи студентов вереницей проходят мимо моего изваяния, и каждый при этом дает обет заниматься только безопасным сексом или отказаться от него вообще. По всей Европе и Америке во время месс ко мне обращаются с мольбами о посредничестве и заступничестве.

В Нью-Йорке группа ученых объявила на весь мир о том, что благодаря моему вмешательству им удалось создать безвредный наркотик без вкуса и запаха, кайф от которого сопоставим с комбинированным кайфом от крэка, кокаина и героина, вместе взятых. При этом новый наркотик стоит дешевле грязи, повсеместно доступен и легален! Торговля наркотиками ликвидирована навсегда.

Сенаторы и конгрессмены, услышав такие новости, рыдают от счастья и душат друг друга в объятиях. Мою статую незамедлительно устанавливают в Вашингтонском кафедральном соборе.

Повсюду в мою честь сочиняются гимны. Я – главная тема религиозной поэзии. Яркое иллюстрированное житие праведного Лестата (дюжина страниц) расходуется миллиардными тиражами. Люди толпами стекаются в собор Святого Патрика в Нью-Йорке, чтобы оставить свои записочки с просьбами в коробке перед моим изваянием.

Мои маленькие копии стоят на туалетных столиках и барных стойках, на компьютерных блоках и школьных партах по всему миру. «Ты не слышала о нем? Помолись ему – и твой муж превратится в агнца, мать перестанет тебя доставать, а дети будут навещать каждое воскресенье. Только потом сходи в церковь и в знак благодарности сделай пожертвование».

Где покоятся мои останки? Их нет. Все мое тело превратилось в реликвии, мои мощи разлетелись по миру – фрагменты высохшей плоти, кусочки костей, пряди волос хранятся в золотых коробочках, называемых раками, либо в специальных полостях с обратной стороны распятий, либо в медальонах на цепочках, которые носят на груди. Я ощущаю связь со всеми этими реликвиями и могу спокойно почивать на лаврах, уверенный в их безотказном воздействии. «Лестат, помоги мне бросить курить. Лестат, неужели мой сынок-гей попадет в ад? (Конечно, нет.) Лестат, я умираю. Лестат, ничто не вернет мне отца. Лестат, эта боль никогда не кончится. Лестат, а Бог и вправду существует?» Да!

Я отвечаю всем, дарю мир и гармонию, уверенность в достижимости высоких идеалов, всепобеждающую радость веры, абсолютное избавление от всякой боли, обретение смысла.

Моя значимость неоценима. Я невиданно, неслыханно популярен. И необходим каждому! Я проник в поток истории и стал ее частью! Обо мне пишут на страницах «Нью-Йорк таймс».

А я тем временем на небесах с Господом. С Повелителем Света, Творцом, Божественным Источником Всего Сущего. Для меня не существует тайн. Это правда, ибо я знаю ответы на все вопросы.

Господь говорит: «Ты должен явиться людям. Именно так следует поступать великому святому. Там, внизу, ждут твоего появления».

И вот я покидаю Свет и плавно опускаюсь на зеленую планету. В момент проникновения в земную атмосферу я ощущаю незначительную потерю Полноты Знания. Это естественно. Ни один святой не может принести в мир всю Полноту Знания, ибо мир этот не способен ее постичь.

Вы можете упрекнуть меня в том, что я приукрашиваю себя, наделяю своими прежними человеческими качествами. Но ведь я остаюсь величайшим святым и для призрака экипирован просто великолепно. И куда же я направляюсь? Как вы думаете?

Ватикан – самое маленькое государство в мире – погружен в непроницаемую тишину.

Я в спальне Папы. Она похожа на монашескую келью: узкая кровать и жесткий стул с прямой спинкой – больше ничего. Никаких излишеств. Иоанну Павлу II восемьдесят два года. Он страдает: боль в суставах лишает сна, тремор болезни Паркинсона очень силен, артрит поразил все суставы. Старость безжалостна к нему.

Папа медленно открывает глаза.

– Святой Лестат, – по-английски говорит Папа, – почему ты пришел ко мне? Почему не к Падре Пио?¹

Не слишком радостное приветствие.

Однако он не хотел меня обидеть. Вопрос абсолютно объясним. Папа любит Падре Пио. Он канонизировал сотни достойных святости. Возможно, он любит их всех. Но Падре Пио особенно. Не знаю, любил ли он меня, когда причислял к лику святых, – я еще не дошел до той части своего повествования, в которой это произойдет. А Падре Пио был канонизирован всего за неделю до описываемого мной момента.

(Я видел по телевизору всю церемонию – от начала и до конца. Вампиры любят телевидение.)

Вернемся на место действия.

В папских покоях царит холодная тишина. Несмотря на королевские размеры, они поражают простотой и аскетизмом. В личной часовне Папы мерцают свечи. Папа стонет от боли.

Я возлагаю на него свои исцеляющие руки и избавляю от страданий. Все его члены расслабляются. Один глаз он прищурил, а вторым поглядывает на меня – это его обычная манера. И между нами внезапно возникает взаимопонимание, или, скорее, это я открываю в нем нечто такое, о чем должен узнать весь мир.

Источником глубочайшей самоотверженности, мудрости и совершенной духовности Папы служит не только его безграничная любовь к Христу, но и жизнь, которую он прожил под коммунистическим гнетом. Людям свойственно забывать. Коммунизм, несмотря на всю его жуткую бесчеловечность, по сути своей основан на некоем преувеличенно духовном кодексе. Но не успело великое пуританское правительство поглотить юность Иоанна Павла, как он попал во власть жесточайших парадоксов и убийственной бессмысленности Второй мировой войны, ставшей для него своего рода школой самопожертвования и отваги. Этот человек никогда не знал иного способа существования, кроме духовного. Лишения и самоотречение сплелись подобно двойной спирали и окутали всю его жизнь.

Неудивительно, что Папа так и не смог избавиться от своих глубоко укоренившихся подозрений по отношению к тем, кто воспевал процветающие западные страны. Он просто не был способен принять бескорыстную милость, которая проистекает из богатства. Высочайшее, безграничное блаженство возможно при достижении выгодной позиции, то есть надежного, гарантированного достатка. Бескорыстие и беспримерные жертвенные амбиции проявляются, только когда все потребности удовлетворены сверх меры.

Имею ли я право заговорить с ним об этом в столь интимный момент? Или следует просто заверить Папу, что ему не стоит волноваться по поводу «жадности» Западного мира?

Я начинаю негромко растолковывать ему свое отношение к этому вопросу. (Знаю, знаю, он – Папа, а я – вампир, который пишет эту историю. Но в этой истории я – Великий Святой. Меня не запугаешь рискованными ситуациями в моем собственном произведении!)

Я напоминаю Папе о том, что высочайшие принципы греческой философии зародились в роскоши, и постепенно он начинает согласно кивать головой. Папа весьма и весьма образованный философ. Многие люди не осведомлены и об этом его качестве. Но я должен внедрить в его мозг нечто более глубокое и более совершенное.

Я прекрасно вижу это. Я вижу все.

Наша самая большая и самая распространенная ошибка заключается в том, что каждый новый шаг в своем развитии мы воспринимаем как некую кульминацию, вершину. Великие

¹ Пио из Пьетрельчины (1887–1968), в миру Франческо Форджоне, известен под именем Падре Пио, – католический святой, итальянский монах-капуцин. Широко прославлен из-за стигматов и приписываемых ему чудес. Канонизирован 16 июня 2002 г. (Здесь и далее примечания редактора. Примечания переводчика оговорены особо.)

«свершилось» и «последняя стадия». Эдакий системный фатализм, беспрерывно подстраивающийся под постоянно изменяющееся настоящее. Любое продвижение встречает всепроникающая паника. В течение двух тысяч лет мы постоянно к чему-то стремимся и чего-то «наконец достигаем».

Причиной тому, несомненно, наше восприятие «современности» как преддверия конца света, наша одержимость идеей Апокалипсиса, владеющей нами с тех самых пор, как Христос вознесся на Небеса. Мы должны прекратить это! Мы должны осознать, что стоим на пороге великой эпохи! Больше не надо будет бороться с врагами. Они исчезнут, трансформируются.

Но вот что я особенно хочу подчеркнуть: теория и практика модернизма и материализма (течений, которые столько лет пугали Церковь) до сих пор находятся в стадии становления! Их сакраментальная природа еще только начала приоткрываться!

Детские промахи не беда! Электронная революция превзошла все самые смелые прогнозы двадцатого столетия. Мы еще проходим через родовые муки. Испытайте это на собственной шкуре! Прочувствуйте. Доиграйте этот акт до конца.

Повседневная жизнь миллионов, населяющих развитые страны, не только комфортна – в ней сосредоточено великое множество поразительных, граничащих с чудесами вещей. Это порождает новые духовные запросы, бесконечно более дерзновенные, чем цели, которые ставили перед собой миссионеры прошлого.

Мы должны признать, что политический атеизм потерпел крах. Подумайте об этом. Вся система рухнула. За исключением Кубы, возможно. Но что смог доказать Кастро? Ведь даже самые влиятельные политические круги Америки стремятся всячески демонстрировать наивысшую добродетель как нечто само собой разумеющееся. Вот почему мы то и дело узнаем о скандалах во власти! Вот почему люди так расстраиваются! В отсутствие нравственности и правил поведения скандалов не бывает. Наше отношение ко всем слоям общества, которые мы опрометчиво причислили к «светским», могут претерпеть кардинальные изменения. И в самом деле, кто не имеет глубоких и непоколебимых альтруистических убеждений?

Иудео-христианство – религия светского Запада, пусть даже миллионы людей это категорически отрицают. Высокие принципы этой религии навсегда впитаны даже самыми скептически настроенными агностиками-интеллектуалами.

Заповеди этой религии определяют правила поведения и общения и на Уолл-стрит, и на запруженных людьми пляжах Калифорнии, и на встречах лидеров России и Соединенных Штатов.

Скоро появятся (если уже не появились) техносвятые, которые путем умелого распределения потоков товаров и услуг избавят от нищеты миллионы людей. По мере того как в трущобах Азии и Востока будут, словно распускающиеся бутоны прекрасных цветов, возникать все новые и новые интернет-кафе, дающие людям, живущим в разных уголках Земли, возможность общаться между собой, в их сердцах не останется места для ненависти и распри прекратятся. Кабельное телевидение принесет бесконечное количество новых программ на просторы арабского мира. Не останется в стороне даже Северная Корея.

Благодаря компьютерной грамотности национальные меньшинства полностью и весьма удачно ассимилируются в Европе и Америке. Как я уже упоминал, медицинская наука создаст дешевую замену кокаину и героину и таким образом искоренит торговлю наркотиками. Насилие и грубость уступят место утонченным дебатам и обмену информацией. Террористические акты станут крайне редкими, будут считаться деяниями непристойными и недопустимыми и в конце концов прекратятся.

Что касается сексуальности, то революция в этой сфере охватила столь широкие общественные слои во всем мире, что в данный момент мы не в состоянии осмыслить ее послед-

ствия. Короткие юбки, короткие женские стрижки, свидания на заднем сиденье автомобиля, работающие женщины, влюбленные геи... У нас просто головы пошли кругом, как это бывает в самом начале пути. Научный подход к деторождению и контроль над ним дали нам немыслимую для прошлых столетий власть, но это лишь предвестие грядущего. Нам следует с уважением относиться к мистическим загадкам сперматозоидов и яйцеклеток, к великим тайнам полов, их взаимного притяжения и влечения. Все дети Господа преуспевают благодаря преумножающимся знаниям, но, повторяю, это только начало. Во имя Господа мы должны найти в себе мужество постичь и принять красоту науки.

Папа слушает. Он улыбается.

Я продолжаю.

Господь Бог, воплощенный в человеческий облик, от восторга перед собственным Творением воистину станет Человеком и в третьем тысячелетии будет признан главным символом Священной Жертвы и Всепоглощающей Любви.

Уверен, потребуется не одно тысячелетие, чтобы постичь замысел распятого Христа. Почему, например, он спустился с небес на землю именно в тридцать три года? Почему не в двадцать? Почему не в двадцать пять? Почему история Христа начинается с младенчества? Кому хочется быть ребенком? Может быть, в ребенке наше Спасение? И почему выбрано именно это время в нашей истории? И это место?

Повсюду сухая глина, песок, гравий, скалы. (Нигде не видел столько скал, сколько на Святой Земле.) Босые ноги, сандалии, верблюды. Представьте себе те времена. Неудивительно, что у них было принято забивать людей камнями! Имеет ли это какое-нибудь отношение к поразительной простоте внешности Христа, к его прическе и одежам, в которых он явился в то время? Думаю, да, имеет. Полистайте книгу по истории костюма – любую достойную энциклопедию, охватывающую период от древних шумеров до Ральфа Лорена, – и вы не найдете там фасонов одежды и моделей причесок проще, чем в Галилее первого века.

Это очень существенно, говорю я святому отцу. Христос все продумал. Должен был продумать. Как иначе? Он ведь наверняка знал, что его изображения будут распространяться по земле в геометрической прогрессии.

Более того, я думаю, что Христос выбрал распятие, потому что с тех самых пор на всех изображениях он выглядит так, будто хочет заключить вас в свои объятия. Стоит вам взглянуть на распятие с этой точки зрения, все тут же переменится. Вы увидите, как он с любовью протягивает руки всему миру. Христос понимал, что этому образу суждена долгая жизнь. Понимал, что он должен быть абстрактным и при этом легко воспроизводимым. То, что мы спокойно берем в руки изображение жуткой смерти и вешаем его на цепочке себе на шею, совсем не случайность. Господь обо всем думает.

Папа продолжает улыбаться.

– Не будь ты святым, я бы поднял тебя на смех, – говорит он. – Кстати, не подскажешь, когда ты ожидаешь прихода этих твоих техносвятых?

Я счастлив. Он стал похож на прежнего Войтелу – Папу, который продолжал кататься на горных лыжах до семидесяти пяти лет. Мой визит стоил этого.

И потом, не можем же мы все быть Падре Пио или матерью Терезой. Лично я – святой Лестат.

– Я передам от вас привет Падре Пио, – шепчу я.

Но Папа уже задремал. Он усмехнулся и погрузился в сон.

Не слишком высокая оценка моего визита. Я его усыпил. Но стоило ли ждать иного, тем более от Папы? Он так много работает. Он страдает. Предается размышлениям. В этом году он уже побывал в Азии и на Востоке, а скоро отправляется с визитом в Торонто, Гватемалу и Мексику. Уму непостижимо, откуда у него берутся силы на все это!

Я кладу руку ему на лоб.

И ухожу.

Я спускаюсь по лестнице в Сикстинскую капеллу. Там ни души и, конечно, темно и холодно. Но ничего страшного, святой Лестат видит в темноте не хуже Вампира Лестата. И глазам моим открывается ни с чем не сравнимое великолепие.

Я стою в полном одиночестве, отрезанный от всего мира, от всего сущего. Я хочу распластаться на полу, подобно священнику, посвящаемому в духовный сан. Я хочу быть священником. Я хочу благословлять толпу! Я страстно, до боли этого жажду. Я не хочу творить зло!

Но все дело в том, что мои фантазии о святом Лестате растворяются в воздухе. Я осознаю их несостоятельность и невыносимо страдаю от этого.

На залитой солнечным светом площади Святого Петра никогда не появится плакат с моим изображением. И сотни тысяч людей никогда не будут ликовать по случаю моей канонизации. И кардиналы никогда не будут присутствовать на этой церемонии, потому что церемонии этой никогда не будет. И я не узнаю формулу изготовления безвредного наркотика без запаха и вкуса, который по кайфу сопоставим со смесью героина, кокаина и крэка, а значит, не смогу спасти мир.

Я даже не в Сикстинской капелле, а очень и очень далеко от нее. Здесь тепло, хотя и столь же безлюдно.

Я – вампир. И наслаждаюсь этим уже более двух столетий. Я наполнен кровью других существ по самые брови. Я осквернен кровью. Я проклят, как та женщина, страдавшая кровотечением до того момента, когда она коснулась края одежд Христа в Капернауме!² Я живу кровью. Я ритуально нечист.

Есть только одно чудо, на которое я способен. Мы называем его Обряд Тьмы, и я собираюсь его совершить.

Вы что думаете, чувство вины и угрызения совести могут меня остановить? Nada!³ Никогда! Mais non!⁴ Даже не думайте! Забудьте! Убирайтесь, с глаз долой! Черта с два! Оставьте меня в покое! Ничего не выйдет!

Я говорил вам, что вернусь? Говорил?

Я испорченное дитя – необузданное, беспощадное, неуправляемое, не знающее стыда, безрассудное, неисправимое, бессердечное, неистовое, неустрашимое, не ведающее угрызений совести, порочное и потому недостойное прощения и спасения.

И я, дети мои, приготовил для вас историю.

Я слышу зов колоколов ада!

Что ж, пора начинать!

Итак...

² Капернаум – древний город на северо-западном побережье Галилейского моря, где, согласно Евангелиям, проходила основная проповедническая деятельность Иисуса Христа.

³ Ничто (*исп.*).

⁴ Да нет же! (*фр.*)

Глава 2

Ферма Блэквуд. Вечер

Небольшое сельское кладбище на краю болота, около дюжины старых могил с вертикально стоящими плитами надгробий, большинство имен давным-давно стерлись, а одно из надгробий, недавно опаленное огнем, почернело от сажи. Все кладбище окружено невысокой железной оградой, по углам которой стоят огромные дубы. Тяжелые ветви деревьев клонятся к земле, небо безупречно сиреневого цвета, ласковый, теплый летний воздух...

Вы совершенно правы, на мне черный бархатный сюртук (приталенный, с медными пуговицами), мотоциклетные сапоги, совершенно новая льняная рубашка с кружевными манжетами и воротником (пожалеем бедного жлоба, который будет ржать по этому поводу). Сегодня вечером я не подстриг свою светлую гриву, что иногда делаю для разнообразия, так что она спускается до самых плеч. Очки с фиолетовыми стеклами я зашвырнул подальше – плевать, если кто-то обратит внимание на мои глаза. А кожа моя все еще сохраняет загар, полученный давным-давно под палящими лучами солнца в пустыне Гоби, где я пытался покончить с собой. И я размышляю...

«Обряд Тьмы... Да, сотвори чудо. Ты нужен им там, в главном доме, ты, принц Проклятых, шейх среди вампиров, хватит уже торчать здесь, раздумывать и предаваться скорби – приступай к делу. В главном доме сложилась очень непростая, щекотливая ситуация, так что...»

Пора объяснить вам, в чем дело.

Так вот, я только что покинул свое тайное убежище и пребываю в глубокой скорби по одной из своих сестер, принадлежащих племени пьющих кровь. Она погибла по собственной воле, здесь, на этом кладбище, в безжалостном огне на вышеупомянутой почерневшей от сажи могиле. Она покинула нас накануне вечером – совершенно неожиданно, никого не посвятив в свои намерения.

Ее имя Меррик Мэйфейр. Всего три года (или того меньше) она провела среди бессмертных, и я пригласил ее на ферму Блэквуд в надежде на помощь в изгнании злобного духа, который преследовал Квинна Блэквуда с самого детства. Квинн – новичок в сообществе пьющих кровь – пришел ко мне с просьбой избавить его от этого духа, который вовсе не собирался отступать даже после превращения Квинна из смертного в вампира, а стал только сильнее и злее. Более того, он стал причиной смерти самого дорогого Квинну человека – тетушки Куин. Гоблин – так звали духа – виноват в том, что эта прекрасная восьмидесятипятилетняя леди упала и умерла. Меррик Мэйфейр была нужна мне, чтобы изгнать злобное существо навсегда.

До того как Меррик приняла в себя Темную Кровь, она занималась наукой и одновременно была колдуньей – вот почему я решил, что у нее достанет для этого сил.

Меррик отозвалась на мое приглашение и разгадала тайну Гоблина. Она соорудила большой алтарь из дерева и угля и подожгла его. Но в огне погиб не только злодей – Меррик последовала за ним. Дух исчез, исчезла и Меррик Мэйфейр.

Конечно, я пытался спасти ее, но душа покинула тело, и, сколько я ни лил на ее обугленные останки свою кровь, Меррик не вернулась.

Пока я метался туда-сюда по кладбищенской пыли, мне вдруг пришло в голову, что бессмертные, получившие Темную Кровь по собственной воле, гибнут значительно чаще и быстрее, чем мы, те, кто о ней не просил. Возможно, гнев, порожденный совершенным над нами насилием, поддерживает нас на протяжении столетий.

Но, как я уже говорил, что-то происходило в главном доме.

Расхаживая по кладбищу, я размышлял об Обряде Тьмы, да, об Обряде Тьмы – сотворении нового вампира.

Но почему мне вообще пришло это в голову? Мне, тому, кто втайне хочет стать святым? Только не подумайте, что кровь Меррик Мэйфейр вызвала из-под земли к рождению еще одного новичка, – ничего подобного. Вдобавок это была одна из тех ночей, когда каждый свой вдох я ощущал как маленький глоток горя.

Я посмотрел вверх, на главный дом, как они его называли, – стоявший на возвышении особняк с белыми колоннами, достигавшими второго этажа, и множеством освещенных окон. Последние несколько ночей это место было средоточием моей боли и моих побед, и я прикидывал, как разыграть карты, чтобы никто из участников не пострадал.

Вариант первый.

Особняк Блэквуд гудит от голосов населяющих его доверчивых смертных, которые, несмотря на наше непродолжительное знакомство, стали мне очень дороги. Я называю их доверчивыми, ибо они даже не подозревают, что их любимый Квинн Блэквуд, хозяин дома, и его загадочный новый друг Лестат – вампиры. Именно этого всей душой и сердцем желал Квинн – не должно было произойти ничего предосудительного, потому что это был его дом, и, даже став вампиром, Квинн не был готов рвать отношения с его смертными обитателями.

Прежде всего, это Жасмин – чернокожая домоправительница, мастерица на все руки, обладавшая совершенно неотразимой внешностью (надеюсь, мы еще вернемся к этому, потому как я не могу устоять перед красотой), бывшая любовница Квинна. Их маленький сын Жером рожден, естественно, до того, как Квинн превратился в вампира. Мальчишке четыре года. В белых теннисках на несколько великоватых для его роста ногах он носится вверх-вниз по винтовой лестнице – просто так, для веселья. Большая Рамона, бабушка Жасмин, величественная черная леди с седыми, собранными в узел на затылке волосами, готовит ужин (один Бог знает для кого) в кухне и разговаривает сама с собой. Голова ее при этом трясется. Внук Большой Рамоны Клем – отлично сложенный мускулистый мужчина с гладкой темной кожей, одетый в черный костюм с галстуком, – стоит возле парадного входа и смотрит вверх, по лестнице. Клем был личным шофером недавно ушедшей из жизни хозяйки дома, тетушки Куин, по которой все еще безмерно скорбят все домашние. Он обеспокоен тем, что происходит в спальне Квинна, и не без оснований.

Старый учитель Квинна Нэш сидит у холодного в летнее время года камина в своей спальне, расположенной в конце коридора второго этажа, и беседует с тринадцатилетним Томми Блэквудом. По кровному родству Томми приходится Квинну дядей, но по сути вернее назвать его приемным сыном. Молодой человек производит благоприятное во всех отношениях впечатление. Он тихо оплакивает смерть великой леди, о которой я уже упоминал и с которой он три года путешествовал по всей Европе. «Период становления» – так мог бы назвать эту пору его жизни Диккенс.

На заднем дворе особняка бьют баклуши механики Аллен и Джоэль. Они сидят в открытой и освещенной части гаража, читают «Уикли уорлд ньюс» и буквально заливаются смехом, а из телевизора тем временем доносится громкий рев трибун – идет трансляция футбольного матча. Один гигантский лимузин стоит напротив парадного входа в особняк, второй – на заднем дворе.

Что касается самого дома, позвольте добавить несколько деталей. Мне он нравится. Я нахожу его пропорциональным – качество, не всегда присущее американским домам, построенным в стиле греческого Возрождения. Но этот стоящий на возвышенной террасе красавец с огромными окнами, смотрящими на обсаженную ореховыми деревьями подъездную аллею, выглядит более чем привлекательно и гостеприимно.

Каков он внутри? Американцы называют такие комнаты гигантскими. Все вылизано, нигде ни пылинки. Кругом зеркала, каминные часы, стены увешаны портретами, полы

устланы персидскими коврами. И неизбежное соседство мебели красного дерева девятнадцатого века с копиями классического Хэпплуайта⁵ и Людовика XIV, дабы создать впечатление так называемого традиционного, или старинного, стиля. Каково? И над всем этим царит непрерывное гудение массивных кондиционеров, которые дарят не только волшебную прохладу, но и создают особую атмосферу, столь изменившую в последнее время Юг.

Знаю, знаю. Мне следовало бы сначала описать место действия, а потом уж перейти к рассказу о персонажах моего повествования. Ну и что? Я не думал логически. Я судорожно размышлял. И не мог просто взять и выкинуть из головы гибель Меррик Мэйфейр.

Квинн конечно же, заявил, будто видел, как Небесный Свет принимает преследовавшего его духа и Меррик Мэйфейр. Для него сцена на кладбище была своего рода богоявлением и не имела ничего общего с тем, что предстало моим глазам. Я видел только, что Меррик принесла себя в жертву. Я рыдал, вопил, сыпал проклятьями.

Ладно, хватит о Меррик. Но держите это имя в голове, потому как она еще может появиться в моей истории. Как знать, вдруг мне захочется снова сделать ее участницей событий. Я не исключаю такой возможности. В конце концов, кто командует на страницах этой книги? Ладно, не принимайте мои слова всерьез. Я обещал вам историю, и вы ее получите.

Дело в том, что события в главном доме не позволяли мне тратить время на причитания. Меррик Мэйфейр ушла от нас навсегда. Ушла незабываемая, жизнелюбивая тетушка Куин.

Горечь потери осталась в прошлом, горечь потерь ждала меня впереди. Но в тот конкретный момент происходило нечто невероятное, из ряда вон выходящее, и я должен был, не мешкая, прийти на помощь моему драгоценному Квинну.

Конечно же, никто не принуждал меня проявлять интерес к жизни обитателей главного дома.

Я мог просто взять и уйти.

Квинн, недавно обращенный вампир, попросил Лестата Великолепного (да, мне нравится этот титул) помочь ему избавиться от Гоблина, и теперь, когда Меррик забрала злого духа с собой, мне нечего было делать в особняке. Я мог бы умчаться на мотоцикле в сумеречную даль, а вся здешняя челядь стояла бы с открытыми ртами и вопрошала: «А кто он вообще такой, этот разодетый пижон?» Но я не считал возможным оставить Квинна.

Квинн оказался в плену у смертных. А я любил его, очень любил. Он был крещен Темной Кровью всего двадцати двух лет от роду. Фантазер и мечтатель. Неосознанно притягательный и неизменно добросердечный, страдающий ночной хищник, он питался только кровью отпетых злодеев. Квинн любящий и дарящий радость.

(Любящий и дарящий радость??? Как я, например? Итак, малыш допустил ошибку. Помимо всего прочего, я настолько любил Квинна, что разыграл для него чертовски хороший спектакль. Можно ли поставить мне в вину то, что я предан людям, которые пробудили во мне любовь? Так ли уж это плохо для того, кто навеки обречен быть монстром? Скоро вы поймете, что я все время говорю о своем духовном перерождении. Однако вернемся к сюжету.)

Я способен «полюбить» кого угодно, будь то – мужчина, женщина, ребенок, вампир или сам Папа Римский. Я убежденный христианин и в каждом вижу искру Божию. Но Квинна полюбил бы всякий. Любить таких, как Квинн, просто.

Вернемся к нашим баранам, то есть в спальню Квинна, где он переживал очень непростой момент.

⁵ Джорж Хэпплуайт – английский мебельщик-краснодеревщик XVIII века, работавший в стиле, близком к рококо.

Еще до нашего пробуждения в тот вечер (я спал в одном из своих тайных убежищ с высоким, голубоглазым, темноволосым юношей) в особняке появилась смертная девушка и всех там перепугала до ужаса.

Именно по этой причине Клем с тревогой смотрел вверх по лестнице, Рамона бормотала себе под нос, а до безумия взволнованная Жасмин сновала по дому в туфлях на высоких каблуках и нервно заламывала руки. Даже маленький Жером, не перестававший носиться вверх-вниз по винтовой лестнице, чувствовал нервозность обстановки. А Томми и Нэш чуть раньше прервали траурные причитания, чтобы взглянуть на эту девушку и предложить ей свою помощь.

Мне не составило труда проникнуть в мысли всех обитателей дома и разобраться в происходящем, понять, что там происходит нечто запредельное. Пролез я и в сознание Квинна.

А еще я сумел внедриться в мозг той самой смертной девушки, пока она, сидя на заваленной прекрасными цветами кровати, разговаривала с Квинном.

Поначалу мою голову заполнила какофония из чужих эмоций и мыслей, и я, отважный и неустрашимый, даже немного запаниковал. Совершить Обряд Тьмы? Сотворить еще одно подобное себе существо? Горе-то какое! Какое мучение! Караул! Убивают! Полиция!

Хочу ли я в действительности похитить еще одну душу, вырвать ее из лап судьбы? Я, тот, кто жаждет стать святым? Тот, кто водил дружбу с ангелами? Тот, кто утверждает, что лицеизрел Господа во плоти? Хочу ли я привести еще одну душу... подумать только!.. В царство бессмертных?

Примечание: одной из наиболее важных причин моей влюбленности в Квинна было то, что создал его не я. Парень достался мне даром. Я ощущал себя немного Сократом – наверное, старик чувствовал то же самое, когда к нему приходили за советом прекрасные греческие юноши... Пока ему не поднесли кубок с ядовитым настоем болиголова.

Однако вернусь к своему повествованию. Если кто-то в этом мире и мог соперничать со мной в борьбе за сердце Квинна, так это приехавшая в особняк смертная девушка, которой он там, в спальне, задыхаясь, шептал о Темной Крови и обещал даровать бессмертие. Да, это незауалированное предложение прозвучало из уст Квинна.

«Бог ты мой, малыш, не будь таким бесхребетным, прояви же наконец твердость характера! – подумал я тогда. – Ты же только вчера видел Божественный Свет!»

Мона Мэйфейр – так звали девушку. Хочу внести ясность прямо сейчас: Мона не была знакома с Меррик Мэйфейр и никогда о ней не слышала. Меррик была квартиронкой, она родилась в семье «цветных» Мэйфейров, которые жили в центре города. А Мона принадлежала к числу белых Мэйфейров, тех, что обитали в Садовом квартале и, возможно, никогда не упоминали ни о Меррик, ни о своей цветной родне. Да и Меррик не проявляла интереса к знаменитой семье белых Мэйфейров. Она шла своей дорогой.

Но Мона была ведьмой до мозга костей, как, собственно, и Меррик. А кто такие ведьмы? Это те, кто обладает даром читать чужие мысли, вызывать духов и призраков, те, кто щедро наделен мистическими силами и оккультными знаниями. За последние несколько дней Квинн рассказал мне достаточно о знаменитом клане Мэйфейр, и я понимал, что кузины и кузены Мононы – если не ошибаюсь, все до единого ведьмы – бросились за ней в погоню и, без сомнения, крайне обеспокоены ее судьбой.

Вообще-то, на похоронах тетушки Куин я уже видел мельком троих представителей этого выдающегося семейства, причем один из них, представьте себе, был священником. Священник – колдун! Подумать страшно! Почему они до сих пор не приехали за Моной, оставалось для меня загадкой. Если только они не медлили намеренно, по причинам, которые станут мне понятны чуть позже.

Мы, вампиры, не любим ведьм. Догадываетесь почему? Любой уважающий себя вампир, даже если ему (или ей) три тысячи лет, способен водить смертных за нос, по крайней

мере какое-то время. А для новообращенных, таких, как Квинн, это вообще не проблема. Жасмин, Нэш, Большая Рамона – все они считали его человеком. Пусть эксцентричным, пусть, что называется, не в себе, но человеком. Квинн мог жить среди них довольно долго. Как я уже говорил, они и меня принимали за человека, хотя вряд ли стоило надеяться, что их заблуждение продлится долго.

А вот с ведьмами совсем другая история. Они постоянно совершенствуют свои способности и потому примечают самые незначительные нюансы во внешности и поведении других. Я почувствовал это на заупокойной мессе, едва оказавшись рядом с доктором Роуан Мэйфейр, ее мужем Майклом Карри и преподобным отцом Кевином Мэйфейром. К счастью, в тот день им хватало других забот, и мне не пришлось уносить ноги.

Ладно, хватит об этом. Так на чем я остановился? Ах, да, вспомнил. Мона Мэйфейр была, можно сказать, выдающейся ведьмой. Приняв около года назад Темную Кровь, Квинн поклялся, что больше никогда не увидит Мону, хотя она уже тогда умирала. Мона сразу догадалась бы, что злые силы лишили его жизни, а Квинн не хотел ее расстраивать.

Как бы ни было, по собственной воле и к всеобщему изумлению, приблизительно час назад она прикатила на ферму Блэквуд в семейном лимузине, который угнала из-под носа у шофера от Мэйфейровского медицинского центра, где умирала в течение более чем двух лет. (Бедолага прогуливался около центра, покуривая сигарету, когда Мона газанула со стоянки и лишь краем глаза успела увидеть, как он бросился следом.)

Она посетила всех торговцев цветами, для которых имя Мэйфейров было на вес золота, и забрала у них все имевшиеся в наличии цветущие ветки и огромные букеты, после чего промчалась по длинному двухпролетному мосту через озеро и затормозила прямо перед главным домом фермы Блэквуд. Когда Мона, шатаясь, вышла из машины, босая, в распахнутом больничном халате, похожая на ходячий скелет, покрытый местами обвисшей синюшной, исцарапанной кожей, на нее было страшно смотреть. Жуткую картину дополняли спутанные космы, в которые превратились некогда прекрасные длинные рыжие волосы. Она приказала Жасмин, Клему, Аллену и Нэшу перетащить всю груду цветов из машины в спальню Квинна и разбросать их по кровати под пологом на четырех столбиках и заявила при этом, что Квинн в курсе и все делается с его разрешения. «Не волнуйтесь. Мы обо всем договорились», – успокоила она прислугу.

Насмерть перепуганные, они мгновенно подчинились.

В конце концов, все знали, что Мона Мэйфейр была любовью всей жизни Квинна, до тех пор пока его дорогая тетушка Куин, заядлая путешественница и непревзойденная рассказчица, не заставила его отправиться вместе с ней в Европу, в ее, как она выразилась, «самое последнее путешествие», которое по каким-то причинам растянулось на три года.

А вернувшись домой, Квинн узнал, что Мона находится в Мэйфейровском медицинском центре и что к ней никого не пускают.

Потом Квинн был жестоко обманут и насильственно получил Темную Кровь, а Мона еще год провела в стенах больницы, чувствуя ужасную слабость и не в состоянии даже нацарапать записку или взглянуть на цветы, которые каждый день присылал ей Квинн...

Итак, домочадцы поспешно перетащили цветы в спальню Квинна.

Истощенная девочка (я позволяю себе именно так ее называть, поскольку речь идет о двадцатилетнем создании) не могла самостоятельно подняться по винтовой лестнице. Галантный Нэш Пенфилд, старый учитель Квинна и джентльмен от бога (именно он отполировал до блеска манеры Квинна) отнес Мону на второй этаж и уложил в «будуар из цветов», как она это назвала. Малышка заверила его в том, что розы без шипов, легла на спину и начала декламировать обрывки строчек из Шекспира, дополняя их собственными словами:

– Молю, позволь мне лечь в постель новобрачной, на ложе, усыпанное цветами, а после пусть они украсят мою могилу.

В этот момент на пороге спальни появился тринадцатилетний Томми, еще не оправившийся от душевной раны, вызванной потерей тетушки Куин. Увидев Мону в таком состоянии, он расстроился еще больше – так, что его начало трясти и Нэш вынужден был увести мальчика из комнаты. Большая Рамона осталась в спальне.

– Эта девочка умирает! – произнесла она драматическим, достойным героини шекспировских трагедий шепотом.

– Ну, это не новость! – со смешком откликнулась рыжеволосая Офелия и попросила принести ей банку холодной содовой.

Жасмин думала, что дитя готово вот-вот испустить дух, что вполне могло произойти в любую секунду, но этого не случилось. Девочка заявила, что ожидает Квинна, а пока просит всех уйти. Когда Жасмин прибежала назад со стаканом пенящегося газированного напитка с опущенной в него согнутой соломинкой, Мона едва прикоснулась к питью.

Вы можете прожить всю жизнь в Америке, так и не увидев хоть одного смертного в столь плачевном состоянии.

Но в восемнадцатом веке, когда я появился на свет, подобная картина не была редкостью. В те времена в Париже люди умирали от голода прямо на улицах. То же самое происходило в девятнадцатом веке в Новом Орлеане, когда в Америку хлынули изголодавшиеся ирландцы. В городе было полно попрошайек, больше похожих на обтянутые кожей скелеты. В наше время людей в состоянии, близком к тому, в котором пребывала Мона Мэйфейр, можно встретить, пожалуй, лишь в лагере какой-нибудь зарубежной миссии или в особой больничной палате.

Большая Рамона вдруг сообщила, что когда-то на этой кровати умерла ее собственная дочь, Маленькая Ида, и что это не место для больного ребенка. Жасмин шикнула на бабушку, а Мона так расхохоталась, что у нее начался приступ удушья. Однако ей удалось с ним справиться.

Стоя на кладбище и вспоминая недавние события, как если бы они возникали перед моими глазами, отражаясь в волшебном зеркале, я видел и Мону, когда-то удивительно красивую, утонченную девушку около пяти футов и одного дюйма ростом. Но болезнь, вызванная невероятно тяжелыми родами, тайна которых, несмотря на все мои способности, так и осталась для меня нераскрытой, сделала свое черное дело, и теперь Мона весила меньше семидесяти фунтов, а ее роскошные густые рыжие волосы только подчеркивали страшную картину тотального разрушения. Девочка была на волосок от смерти, и только желание жить и сила воли не позволяли ей сдаться на милость судьбы.

Именно воля и колдовство – то, на чем стоят ведьмы – помогли ей собрать все эти цветы и по приезде на ферму привлечь помощников.

Но теперь, когда Квинн пришел, когда Квинн был рядом, а мысль о смерти приобрела четкие очертания, боль во всех внутренних органах, во всех суставах одолела Мону, девочка чувствовала ее каждой клеточкой кожи. Даже сидеть среди цветов было пыткой.

Что до моего доблестного Квинна, то он больше не проклинал свою судьбу и предлагал Моне Темную Кровь. Меня это не удивило, но лучше бы он этого не делал.

Невыносимо тяжело смотреть, как кто-то умирает, когда ты знаешь, что обладаешь феноменальной губительной силой. А он все еще любил ее и не мог вынести ее страданий. А кто бы смог?

С другой стороны, как я уже говорил, только накануне вечером Квинн собственными глазами лицезрел богоявление и наблюдал, как Меррик и преследовавший его дух исчезли в объятиях Небесного Света.

Так почему же, ради всего святого, он отказывался просто взять Мону за руку и оставаться с ней рядом, пока все это не кончится? Нет сомнений, что она не дожила бы до полуночи.

Однако ему не доставало сил, чтобы позволить ей уйти. Следует подчеркнуть, что Квинн никогда не пришел бы к Моне по собственной воле, ибо, как я уже говорил, он старательно скрывал от нее свою тайну. Однако Мона сама приехала на ферму и молила позволить ей умереть в его спальне, на его кровати. Но это была территория Квинна, так сказать, его логово, логово вампира мужского пола. И теперь, когда здесь оказалась его возлюбленная, чудовищная жажда обладания и надуманная идея спасения завладели им.

Я все это прекрасно понимал, как и то, что он не сможет совершить Обряд Тьмы. Он еще неопытен и непременно убьет чересчур слабую и хрупкую Мону. Выхода не было. Черт побери! Дитя, выбравшее Темную Кровь, рискует отправиться в ад. Я должен подняться к ним. Вампиру Лестату следует поспешить на помощь!

Я знаю, что вы сейчас думаете. Вы думаете: «Это что – комедия? Нам не нужна комедия!» Уверяю вас, нет!

Я всего лишь избавляюсь от всякой фальшивой шелухи. Разве вы не видите? Никакого гламура, никаких излишеств – пора сосредоточиться на главном. Следует отказаться от искусственных ухищрений и уничтожить барьер из мелочей, которые делают беднее логический ряд моих рассуждений.

Двигаемся дальше. Я прошел через парадный вход – как обычный человек. Громкий хлопок двери заставил Клема испуганно вздрогнуть от неожиданности. Я одарил его чарующей улыбкой и со словами: «Это я, Лестат, друг Квинна. Как дела? Вот что, Клем, приготовь машину. Немного погодя мы поедем в Новый Орлеан. Договорились, старина?» – направился вверх по лестнице.

Проходя мимо маленького Жерома, я лучезарно улыбнулся, в коридоре слегка приобнял растерянную Жасмин, потом телепатически повернул ручку двери, ведущей в спальню Квинна, и проник внутрь.

Проник? Почему не просто вошел? Пора отказаться от этих надуманных вывертов. Понимаете, о чем я? Если хотите знать, на самом деле я буквально влетел в комнату.

А сейчас я поведаю вам один маленький секрет. Телепатическое видение в десятки раз слабее, чем то, что вампир видит собственными глазами. Телепатия – это, конечно, круто, но наше реальное зрение отличается поистине необыкновенной остротой. Поэтому в своей книге я не уделяю телепатии особого внимания. Как бы то ни было, я отдаю предпочтение настоящим чувствам и ощущениям.

Мона, сидящая на кровати с пологом, являла собой душераздирающее зрелище. Девочка страдала физически больше, чем Квинн мог себе представить. Даже прикосновение его рук было для нее мучительным. Сам того не желая, я сразу вычислил, что она должна была умереть около двух часов назад: почки уже отказали, сердце барахлило, и она не могла набрать в легкие достаточно воздуха для полноценного дыхания.

Но обращенные на меня бесподобные зеленые глаза были широко открыты. Незамутненный интеллект Моно на каком-то мистическом уровне помогал ей без лишних слов понять то, что пытался объяснить Квинн: смертельный процесс можно остановить и повернуть вспять, если она присоединится к нам. Она навеки станет одной из нас, обретет вампирскую сущность, бессмертие... Бессмертный убийца... Вечное существование за пределами жизни...

«Я знаю тебя, маленькая ведьма. Мы живем вечно», – мысленно произнес я, и ответом мне стало слабое подобие улыбки.

Может ли Обряд Тьмы восстановить разрушенное тело несчастной? Бьюсь об заклад – да.

Двести лет назад в спальне на Иль-Сен-Луи я был свидетелем того, как Темная Кровь, наполняющая истощенное тело моей матери, изгоняет из него старость и чахотку и дарит волшебные силы. В те ночи я был еще неопытным новичком, и только любовь и страх застав-

ляли меня совершить обращение. Я впервые наблюдал подобное и даже не знал, как это называется.

– Квинн, позволь мне провести Обряд Тьмы, – сказал я с порога.

У мальчика словно гора с плеч свалилась. Он был так невинен и так смущен. Естественно, мне не нравилось, что он на четыре дюйма выше меня, но это не имело значения. Именно поэтому я называл его братишкой и ради него был готов практически на все. К тому же речь шла о Моне. Тело этой юной ведьмы, красавицы, обладавшей необузданным характером и неистребимой силой духа, отчаянно боролось со смертью.

Они придвинулись ближе друг к другу. Почувствовала ли Мона неестественность плоти Квинна, когда сжала его руку в своей? Глаза ее были устремлены на меня.

Я пересек комнату, подошел к ним и, взяв бразды правления в свои руки, преподнес ей все в лучшем виде: да, это правда, мы – вампиры, но у нее, дорогой и любимой, остается выбор. Странно, что Квинн не рассказал ей про Свет, ведь он видел Свет собственными глазами и знает, какова мера Божественного Прощения, гораздо лучше, чем я.

– Но ты, chérie, можешь выбрать этот Свет в какую-нибудь другую ночь, – сказал я и рассмеялся.

Я смеялся и не мог остановиться. Это было так чудесно.

Мона так долго была больна, так долго страдала. И эти роды... Младенец, которого она произвела на свет, оказался монстром, его забрали от нее... Я никак не мог проникнуть в суть произошедшего. Ладно, забудем, хватит об этом. Ее представление о вечности сводилось к одному-единственному благословенному часу, когда она сможет почувствовать себя живой и здоровой, сможет дышать без боли. Разве ей под силу такой выбор? Нет, у этой девочки не было выбора. Ей довелось пройти длинный и тяжелый многолетний путь. Я видел иглы, впивавшиеся в ее кожу, кровоподтеки по всему телу, лекарства, вызывавшие тошноту. Мучительное забытие вместо сна, жар, лихорадка, обрывки тревожных сновидений, неспособность сосредоточиться на чем-либо. Книги, фильмы, письма... – ничто не вызывало у нее интереса. Она была лишена даже возможности побыть в тишине и темноте и вместо этого круглосуточно видела свет больничных ламп, слышала топот ног и гул голосов.

Мона протянула ко мне руки и кивнула. Сухие потрескавшиеся губы... Пряди рыжих волос...

– Да, я хочу этого, – прошептала она.

– Спаси ее, – умоляюще произнес Квинн.

Спаси ее? Разве Небеса не хотят принять ее?

– Они едут за тобой. Твоя семья, – неожиданно для себя проговорился я.

Может быть, я сам был околдован, когда заглянул в ее глаза? Но я отчетливо слышал Мэйфейров, ощущал их быстрое приближение. Машина «скорой помощи» с выключенной сиреной и следом за ней лимузин въехали на ореховую аллею.

– Нет, не дайте им забрать меня! – воскликнула Мона. – Я хочу быть с вами.

– Чудная компания. Учти, это навсегда, – сказал я.

– Да!

Вечная ночь – да! Проклятие, скорбь, отречение от мира и вечное одиночество – да!

«О, ты в своем репертуаре, Лестат, ты настоящий дьявол, ты хочешь сделать это, ты хочешь, хочешь увидеть это, ты маленькое прожорливое чудовище. Ты не можешь отдать ее ангелам, а ведь знаешь, что они ждут! Знаешь, что Господь, допустив ее страдания, очистил Мону от всех грехов и простит ей последние вопли отчаяния».

Я приблизился к ней и осторожно отодвинул в сторону Квинна.

– Предоставь ее мне, братишка. – С этими словами я прокусил кожу на своем запястье и поднес окровавленную руку к губам Моны. – Придется сделать так. Сначала я должен дать ей немного своей крови. Иначе она не выдержит обряд до конца.

Мона коснулась губами моего запястья и зажмурилась.

Дрожь сотрясла все ее тело.

– Пей, милая девочка, – прошептал я. – Прощай, прелестное дитя, прощай, Мона.

Глава 3

Она высасывала из меня кровь с такой жадностью, будто всерьез намеревалась убить. Казалось, цикл кровообращения, поддерживавший во мне жизнь, вот-вот оборвется. Ведьма овладевала мной через мою кровь. У меня перехватило дыхание, я потянулся левой рукой к столбику полога кровати, но промахнулся и мягко опустился вместе с Моной на ложе из цветов. Ее волосы запутались в розах. Мои тоже.

Я чувствовал, как моя жизнь стремительным потоком входит в нее. Сырой, промозглый сельский замок, Париж, театр на бульваре, похищение, каменная башня, Обряд Тьмы, совершенный Магнусом, пожар, одиночество, плач осиротевшего ребенка, комната с сокровищами... Мне показалось, что она смеется. Я видел ее зубы, вонзившиеся в мое сердце, прямо в мое сердце. Ошеломленный, чувствуя головокружение, я отпрянул и вцепился в столбик полога, пристально глядя на Мону.

Колдовство!

Она смотрела на меня снизу вверх остекленевшими глазами. Губы испачканы кровью. Всего одно прикосновение – и вся ее боль ушла, наступил долгожданный момент избавления от боли, от необходимости бороться, страх исчез.

Она просто не могла в это поверить.

В промежуточном состоянии между человеком и вампиром она дышала ровно и глубоко. Голодный гибрид, обреченный гибрид. По мере того как кожа Моны наполнялась соками, щеки постепенно округлялись, губы приобретали форму, под глазами исчезали темные впадины, к ней возвращалось прежнее очарование. А потом под хлопчатобумажной сорочкой начала подниматься грудь, руки становились восхитительно округлыми. О да, я настоящий дьявол. Она снова вздохнула, прерывисто, словно в экстазе, и посмотрела на меня. Да, все правильно, я великолепен и знаю это. Что ж, теперь у нее достанет сил выдерживать Обряд Тьмы. Квинн был потрясен. Он так любил Мону. Я оттолкнул его. Прочь! Это мое!

Я приподнял ее над ложем из цветов. Сосуд с моей кровью. Лепестки осыпались на кровать. С губ чуть слышно срывались строчки стихов: «... Или была созданием, рожденным в стихии вод...»⁶ Я прижал ее к себе. Я хотел вернуть свою кровь. Я хотел ее.

– Маленькая ведьма, – прошипел я ей на ухо. – Ты думаешь, что знаешь все, на что я способен?

Я крепко прижал ее к себе. И услышал ее тихий мелодичный смех.

– Продолжай, покажи мне! – сказала она. – Я не умираю.

Квинн испугался. Он обнял Мону и коснулся моих рук, пытаясь заключить в объятия нас обоих. Жест был удивительно нежным. Я любил Квинна. Ну и что? Она была моей.

Я прокусил кожу на ее шее.

– Я собираюсь забрать тебя, малыш! – прошептал я. – Тебя ждет большое будущее!

Сердце учащенно забилося у нее в груди. Она все еще на грани. Я вонзил зубы глубже и почувствовал, как она застыла в моих руках. Восхитительный паралич. Я медленно всасывал ее кровь, соленую, смешанную с моей. Я познавал ее: прекрасное дитя, нимфетка, школьница-проказница, из тех, кто все хватает на лету, с задатками гения, ухаживающая за спившимися родителями, ее веснушки и улыбка, ее жизнь – веселая, шумная, наполненная играми и шутками. Этой вечной мечтательнице не усидеть за клавиатурой компьютера, а в будущем предстоит унаследовать миллиарды Мэйфайров, она похоронила родителей – связанные с ними проблемы и волнения остались позади. У нее было столько мужчин, что не сосчи-

⁶ Шекспир У. Гамлет. Акт IV, сцена 7. Перевод М. Лозинского.

тать. Потом беременность – наконец я вижу это! Жуткие роды, младенец-монстр. Подумать только! Девочка! Морриган! «Ходячий младенец» – это слова Долли-Джин. Кто эти люди? Что ты мне показываешь? «Ты думаешь – вы единственные монстры в моей жизни?» Морриган, дитя-монстр, ушла навсегда. Что это за мутант, который при рождении превращается в половозрелую женщину и просит твоего молока? Талтос! Морриган исчезла, ее забрали, но она полностью разрушила здоровье Моны, обрекла ее на медленное умирание. Необходимо найти Морриган. Изумруд на шее у Моны, стоит взглянуть на этот изумруд! Мона привязана к Квинну, она очень любит его. Надо рассказать Квинну... Нет. Слова Офелии придают ей силы, поддерживают сердцебиение, дыхание... Как медленно приближается смерть! Разве ты не понимаешь, что это такое? Я понимаю, понимаю! Не останавливайся! Не отпускай меня! Кто пытается забрать тебя у меня? Я знаю этого призрака! Дядя Джулиен!

Он надвигается на меня. Злобный призрак! Он возник в моих видениях! Был ли он в спальне Квинна? Высокий седой мужчина бросается на меня, он пытается вырвать ее из моих рук! Кто ты такой, черт возьми? Я отталкиваю его, он с невероятной скоростью летит назад и превращается в крохотную точку. Будь ты проклят! Отпусти ее!

Мы лежим в будуаре из цветов – я и она – и сжимаем друг друга в объятиях. Но через мгновение он опять приближается. Дядя Джулиен! В отчаянии я отстраняюсь от нее, еще раз рву зубами запястье и неловко тычу рукой ей в губы, разбрызгивая вокруг кровь. Я ничего не вижу и лишь чувствую ее жесткое, негнущееся тело.

«Дядя Джулиен, убирайся прочь!»

Она пьет не отрываясь. Лицо дяди Джулиена искажено от злости. Он постепенно теряет очертания и в конце концов исчезает.

– Он ушел! – прошептал я. – Дядя Джулиен ушел!

Услышал ли меня Квинн?

– Квинн, прогони его!

Делясь с ней своей жизнью, я впал в экстаз и едва не потерял сознание.

«Смотри, все перед тобой, загляни в опустошенное нутро, иди дальше и ни о чем не жалеешь».

Она пьет кровь из моего запястья, ее тело набирает силу, конечности становятся крепче, пальцы впиваются в мою руку.

«Продолжай, вцепись зубами в мою душу, сделай это, теперь парализован я, мне не вырваться, жестокая девчонка, не останавливайся».

Я утратил ощущение реальности и с трудом понимал, где нахожусь, но позволял ей и дальше пить мою кровь, а потом уткнулся лицом в ее шею, открыл рот, но... Не осталось сил, чтобы...

Наши души постепенно закрывались друг от друга, мысленная связь между Создателем и его творением исчезала, что означало завершение ее перерождения. Мы потеряли способность читать мысли друг друга.

«Выпей меня до дна, красавица. Теперь ты сама по себе».

Мои глаза закрыты. Я сплю и вижу дядю Джулиена. Он плачет. Ах, какая грустная картина! Дядя Джулиен в царстве теней. Он стоит, закрыв лицо руками, и плачет. Что бы это значило? Олицетворение мук совести? Не смешите меня!

Олицетворение растворяется в воздухе. Она пьет и пьет. А я остался один и грежу... Самоубийство в ванне, кровь льется из вскрытых вен... Я вижу сон...

Вижу совершенного вампира, с душой, не похожей ни на какую другую. Это бесстрашное создание никогда не оглядывается назад, оно навеки избавилось от боли и готово искренне восхищаться всем и вся. Я вижу перед собой выпускницу школы страданий.

Призрак вернулся. Высокий и злобный.

«Дядя Джулиен, ты согласен быть моим небесным псом? Что тебе здесь надо? – Он стоит, сложив на груди руки, и молчит. – Ты хоть понимаешь, с чем ты столкнулся? Мой совершенный вампир не видит тебя. Убирайся прочь! Ты всего лишь сон. Призрак. У меня нет времени на тебя. Извини, дядя Джулиен, она уже создана. Ты проиграл».

Наконец она оторвалась от меня. Отпустила меня на свободу. И я поплыл куда-то, а когда я открыл глаза, Мона и Квинн стояли бок о бок и смотрели на меня сверху вниз.

Я лежал среди цветов. Розы действительно были без шипов. Время остановилось. Отдаленный шум суеты в доме меня не беспокоил.

Перерождение завершилось. Она стала вампиром моей мечты. Самим совершенством. Поэтика Офелии потеряла свою актуальность. Она безупречна, настоящая жемчужина. Свершившееся чудо лишило Мону дара речи. Ее беспокоило только одно: что произошло со мной? Так же как давным-давно другое мое творение, над которым я совершил Обряд Тьмы с той же яростью и неистовством и с той же опасностью для себя. Но знайте, что для Лестата опасность – временное явление, не стоящее внимания. Вы только взгляните на нее!

Так вот какво оно, прекрасное создание, в которое столь безнадежно влюбился Квинн! Принцесса Мона из клана Мэйфейр. Темная Кровь наполнила ее до отказа, проникла в каждую ее клетку, и теперь овальное лицо освещала улыбка, на круглых щеках появились ямочки, глаза стали ясными, не замутненными болью. О, эти бездонные зеленые глаза!

Естественно, ее ошеломила острота зрения, подаренная Темной Кровью, но более всего поразила вампирская сила, которую она ощущала всем своим существом.

Однако энергичная и крепкая, как прежде, она твердо стояла на ногах и пристально смотрела на меня. Больничный халат стал ей мал и плотно обтягивал здоровое, соблазнительное тело.

Я стряхнул с себя лепестки роз и встал на ноги. Голова еще кружилась, но я быстро приходил в себя. Сознание пока оставалось несколько замутненным – впрочем, ощущение было даже приятным. Чуть размытые очертания предметов, неяркий свет, теплая спальня... Моя любовь к Моне и Квинну вспыхнула с новой силой, и я вдруг отчетливо осознал, что нам предстоит быть вместе очень долгое время. Только нам троим.

В этом моем видении преданный Квинн был безупречен. Венценосный принц, открытый и уверенный в себе. Таким я увидел его впервые, и он сразу очаровал меня. Любовь всегда спасала Квинна. После смерти тетушки Куин его поддерживала любовь, которую он испытывал к ней всю жизнь. Квинн ненавидел одного-единственного человека – и убил его.

– Можно я поделюсь с ней своей кровью? – Квинн сжал мое плечо, нерешительно наклонился и поцеловал.

Как он смог оторвать от нее взгляд, я не знаю.

Я улыбнулся. Ко мне вернулась способность ясно мыслить. Дяди Джулиена нигде не было видно.

– Нигде, – эхом повторил Квинн.

– О чем вы? – спросила сияющая новорожденная.

– О дядюшке Джулиене. Я видел его, – ответил я и тут же пожалел о своих словах.

Тень набежала на лицо Моны.

– Дядюшку Джулиена?

– Но он должен был... – начал Квинн. – Я видел его на похоронах тетушки Куин, и мне показалось, он хочет предупредить меня о чем-то. Это был его долг. Но какое это теперь имеет значение?

– Не делись с ней своей кровью, – сказал я ему. – Пусть ваш разум будет открыт друг для друга. Конечно, слова не утратят своего значения, не важно, насколько полно каждый из вас читает мысли другого. Только не обменивайтесь кровью. Чуть переборщите – и потеряете способность общаться мысленно.

Мона протянула ко мне руки. Я обнял ее и прижал к себе. Меня восхищала сила, которую она успела обрести. Я испытывал скорее смиренное восхищение Темной Кровью, нежели гордость от того, что успешно совершил обряд. Я добродушно рассмеялся, поцеловал прелестное дитя, и она вернула мне поцелуй.

Если вы спросите, что именно в ее облике покорило меня, я отвечу: зеленые глаза. Я и представить не мог, как они потускнели за время болезни. Но теперь, вырвав Мону из лап смерти, я увидел россыпь веснушек на ее лице, блеск белоснежных зубов, когда она улыбалась, и яркое сияние глаз.

Несмотря на возрождение и вновь обретенную магическую силу, Мона была хрупкой малышкой. Она вызывала во мне нежность, а это удавалось далеко не многим.

Однако, как это ни печально, пора было закругляться с восторженными речами. Надо было заняться делом.

– Ладно, любовь моя, – сказал я. – Тебе предстоит перенести еще один, теперь уже последний, приступ боли. Квинн будет рядом и поможет тебе. Отведи ее в душ, Квинн. Но сначала позаботься об одежде для девочки. Впрочем, оставь это мне. Я скажу Жасмин, что Моне нужны джинсы и рубашка.

Мона рассмеялась, с ней случилась едва ли не истерика.

– Мы вынуждены существовать одновременно в обыденных и магических обстоятельствах, – ответил я на ее смех. – Привыкай.

Квинн был серьезен и внимателен. Он подошел к столу, набрал по внутренней связи номер кухни и распорядился, чтобы Большая Рамона принесла одежду для Моны и оставила ее возле дверей спальни. Отлично. На ферме Блэквуд каждый исполнял предписанные ему обязанности.

Все еще не до конца оправившаяся от потрясения Мона вдруг задумалась, а потом спросила, нельзя ли ей надеть белое платье. Может быть, внизу, в комнате тетушки Куин, найдется белое платье?

– Белое платье... – На Мону будто снизошло поэтическое настроение и вместе с образом утопившейся Офелии прочно окутало ее сознание. – И еще кружева, – добавила она. – Пожалуйста, Квинн, если никто не будет против...

Квинн снова поднял трубку телефона и отдал еще одно распоряжение.

– Да, принесите наверх наряды тетушки Куин, – терпеливо объяснял он Рамоне. – Только белые. Ты знаешь, что Жасмин не наденет белое платье. Да, для Моны. Если тетушкины вещи никто не будет носить, их в конце концов упакуют и уберут подальше. На чердак. Тетушка Куин любила Мону. Прекрати плакать. Я знаю. Знаю. Но Мона не может разгуливать в жутком больничном халате. И когда-нибудь, лет через пятьдесят, Томми и Жером распакуют эти вещи и будут ломать голову, не зная, что с ними делать... Просто принеси все наверх.

Обернувшись, он встретился глазами с Моной и запнулся, будто не мог поверить своим глазам. На лице его отразился ужас, словно он только в этот момент осознал, что произошло, что он сделал. Квинн пробормотал что-то о белых кружевах, отошел от стола и обнял Мону. Мне не хотелось читать его мысли.

– Это всего лишь смерть плоти, Офелия, ничего страшного, ты справишься, – сказал он. – Я пройду это испытание вместе с тобой. Я не брошу тебя. А после этого боль уйдет. И появится жажда. Но боли больше не будет. Никогда.

Он не мог прижать ее к себе достаточно близко.

– И я всегда буду видеть так, как вижу сейчас? – спросила Мона. Упоминание о смерти ее мало беспокоило.

– Да, – ответил Квинн.

– Я не боюсь, – искренне заверила Мона.

Но она еще не до конца понимала, что с ней произошло. И в глубине души, в той ее части, которую я не открывал для Квинна и которая была недоступна для Моны, я знал, что в действительности она не могла быть согласна на это. Она просто не представляла, что ее ждет.

Что это значило для меня? Почему я придаю этому такое большое значение?

Да потому, что я умертвил ее душу.

Я обрек Мону на вечное пребывание на земле, как были обречены на это все мы, и с этого момента обязан сделать все возможное, чтобы она заняла достойное место в наших рядах. А когда Мона наконец осознает, кем стала, она может лишиться рассудка. Помните, что я говорил вам о Меррик?

Те, кто стремится стать вампиром, сходят с ума гораздо быстрее, чем те, кто, как я, получил Темную Кровь против воли.

Однако у меня не было времени на подобного рода рассуждения.

– Они здесь! – взволнованно воскликнула Мона. – Они внизу! Вы слышите их?

Как и у всех новообращенных, эмоции у нее зашкаливали.

– Не бойся, милая девочка, – сказал я. – Я ими займусь.

Мону встревожил шум, доносившийся из парадной гостиной. Прибыли Мэйфейры. Вздвинченная Жасмин ходила взад и вперед. Маленький Жером катался по перилам винтовой лестницы. Квинн тоже услышал голоса.

Это были Роуан Мэйфейр и отец Кевин Мэйфейр. Они приехали со «скорой» и с медсестрой, чтобы увезти Мону обратно в больницу или хотя бы выяснить, жива ли она.

Так вот в чем дело! Наконец-то я понял! Поэтому они и не спешили. Они думали, что Мона уже умерла.

И были правы. Она умерла.

Глава 4

Я открыл дверь спальни.

Квинн и Мона уже скрылись в ванной комнате.

На пороге стояла Большая Рамона – бабушка Жасмин – со стопкой одежды в руках. Я увидел перед собой крайне обеспокоенную хрупкую седовласую женщину с миловидным лицом, в отглаженном белом фартуке.

– Вам нужно все это для бедной девочки? Только не хватайте как попало, у меня все аккуратно сложено!

Я отступил в сторону, Рамона промаршировала через спальню и аккуратно положила стопку одежды на усыпанную цветами кровать.

– Вот. Здесь еще белье и тапочки, – торжественно объявила она.

Из ванной доносился плеск воды. Рамона покачала головой.

– Не могу поверить, что эта девочка еще дышит, – ворчала она, проходя мимо меня на обратном пути к двери. – Это просто чудо какое-то. А ее родня прислала сюда отца Кевина со святым миром – он там, внизу. Конечно, всем известно, что Квинн любит Мону, но в каком Евангелии сказано, что вы можете позволить человеку умереть в вашем доме? А тут еще больная мать Квинна... Вы ведь знаете о ней? Да, она куда-то сбежала. Представляете, Пэтси встала с кровати и ушла...

(В памяти мелькнул образ Пэтси – матери Квинна, исполнительницы песен в стиле кантри, с взлохмаченными волосами и ярко накрашенными ногтями, умиравшей от СПИДа в комнате напротив спальни Квинна. Когда я последний раз видел Пэтси, она давно уже не вставала, чтобы раскрасить лицо, как индеец перед битвой, надеть кожаный костюм с бахромой, высокие сапоги и отправиться куда-нибудь из дома. Это миловидное существо, лежавшее на диване в белой ночной сорочке, было преисполнено абсурдной и неистребимой ненависти к Квинну, порожденной извращенным чувством соперничества и детской ревности женщины, которой было всего шестнадцать, когда она родила Квинна. Теперь эта женщина исчезла.)

– ... И все свои лекарства оставила, такая больная, – продолжала между тем Рамона. – Ох, Пэтси, Пэтси! И тетушка Куин только-только сошла в могилу. А тут появляется это рыжее дитя. Ну и дела!

– А что, если Мона умерла, – предположил я, – и Квинн обмывает ее труп в ванной?

Большая Рамона прыснула и прикрыла рот рукой, а потом зыркнула на меня своими бесцветными глазами.

– Да вы суший дьявол. Почище Квинна. Только не думайте, будто я не знаю, чем они там занимаются. А вдруг она возьмет и умрет прямо там – что тогда? Нам придется обтирать ее досуха полотенцами и укладывать на кровать, будто ничего такого не было, и...

– Что ж, тогда она будет действительно чистой. – Я пожал плечами.

Большая Рамона удержалась от нового смешка и покачала головой, но, едва оказавшись за дверью, дала волю эмоциям и пошла по коридору, посмеиваясь и болтая сама с собой:

– И мать его сбежала, а она совсем больная, и никто не знает, где она, а эти Мэйфейры внизу, странно, что они не привезли с собой шерифа...

Все еще продолжая ворчать, Большая Рамона, этот Ангел Горячего Кофе, вошла в спальню в конце коридора, где Нэш тихо разговаривал с Томми, не перестававшим оплакивать горькую утрату – смерть тетушки Куин.

Я вдруг отчетливо осознал, что успел сильно привязаться ко всем этим людям. Теперь я понимал, почему Квинн настоял на том, чтобы остаться в этом доме и как можно дольше притворяться смертным, почему ферма Блэквуд не отпускает его.

Однако пришло время призвать на помощь всю свою изворотливость и обеспечить Моне небольшую передышку, каким-то образом объяснить ее отсутствие ведьмам, ожидавшим на первом этаже.

К тому же мне было любопытно взглянуть на эти существа в гостиную, на этих неустрашимых медиумов, которые не хуже вампиров дурачили окружающих, прикидываясь обыкновенными людьми, в то время как все их существование было покрыто завесой тайн.

Я поспешил вниз по винтовой лестнице, по пути подхватил летевшего с перил маленького Жерома в не по размеру больших теннисках – как раз вовремя, чтобы спасти его от неминуемой смерти, ибо в противном случае он упал бы с десятифудовой высоты на мраморный пол, – и передал его в руки взволнованной Жасмин. Жестом показав ей, что все будет в порядке, я вошел в прохладную переднюю гостиную.

Доктор Роуан Мэйфейр, основатель и глава Мэйфейровского медицинского центра, сидела в одном из кресел красного дерева (девятнадцатый век, рококо, черный лак и бархат). Когда я вошел, она резко, как марионетка, которую дернули за нитку, повернула голову в мою сторону.

Как я уже говорил, мы однажды встречались с ней на заупокойной мессе по тетушке Куин в церкви Успения Богородицы. Если быть точным, я сидел в опасной близости от нее – на скамье напротив. Но тогда у меня была отличная маскировка: вполне обычная, соответствующая времени и месту одежда и солнечные очки. А теперь перед ней стоял истинный Князь Тьмы в сюртуке и сорочке, отделанной кружевом ручной работы. К тому же я забыл надеть солнечные очки – легкомысленное упущение.

В церкви я не успел как следует разглядеть Роуан, но сейчас был очарован ею с первого взгляда и, честно говоря, смущен этим обстоятельством, ибо привык очаровывать, а не очаровываться.

Искусно вылепленное овальное лицо Роуан с огромными серыми глазами и безупречно очерченным ртом было чистым, как у девочки, и не нуждалось в косметике, чтобы подчеркнуть его прелесть. На ней был строгий брючный костюм из серой шерсти и красный шарф, концы которого она заправила за лацканы пиджака. Короткие пепельные волосы завивались внутрь на уровне плавной линии подбородка.

Поймав на себе ее внимательный, напряженный взгляд, я почувствовал, что она пытается проникнуть в мой накрепко запертый от посторонних разум, и ощутил пробежавший по спине холодок.

Роуан рассчитывала с легкостью прочесть мои мысли, но ожидания ее не оправдались. Кроме того, ей никак не удавалось разрушить выставленный мною барьер и узнать, что происходит на втором этаже. Роуан это не нравилось. Выражаясь возвышенным языком, она пребывала в глубокой скорби. Наткнувшись на непреодолимые препятствия, она переключила внимание на мой внешний вид, но не на эксцентричный наряд или небрежную прическу, а на детали, явственно свидетельствовавшие о моей истинной сущности: едва заметное свечение кожи и чересчур яркую голубизну глаз.

Необходимо было как можно скорее начать разговор.

Однако позвольте сначала сказать несколько слов о втором госте, который в тот момент стоял у камина, об отце Кевине.

Как и Мону, Природа одарила его темно-зелеными глазами и рыжими волосами. Отец Кевин вполне мог быть старшим братом девочки: их генетическая близость не вызывала сомнений. Примерно одного со мной роста, около шести футов, хорошо сложен, в черной сутане с белым воротничком...

В отличие от Роуан отец Кевин не обладал ведьмовским даром, но его сверхъестественные способности были весьма высоки. Без труда прочитав его мысли, я узнал, что он считает меня существом странным и надеется, что Мона уже мертва.

Я высек из памяти искру воспоминаний о нем: священник, служащий мессу, стоит с потиром в руках. Это моя кровь.

И неожиданно, сам не знаю почему, я перенесся в свое детство, в деревушку во Франции, в старинную церковь, где священник вот так же стоял с потиром в руках и говорил те же самые слова. Охваченный воспоминаниями о своей смертной жизни, пугающе отчетливыми и яркими, я на мгновение утратил ощущение времени. Я видел монастырь, в котором учился и был счастлив и где так надеялся стать монахом. О, это было ужасно!

Но тут до меня вдруг дошло, что доктор Мэйфейр перехватывает мои видения. Я поспешил вновь закрыть от нее свой разум и встряхнулся.

Полумрак, царивший в гостиной, действовал мне на нервы. И тут я наткнулся взглядом на неподвижную фигуру дяди Джулиена – объемную, совершенно непрозрачную.

Опять! Что ему здесь надо? В отлично скроенном, щегольском сером костюме, он стоял в дальнем углу гостиной, скрестив руки на груди, и с нескрываемой враждебностью смотрел на меня. Он был абсолютно реален.

– Что с вами? – спросила доктор Мэйфейр, сверля меня пристальным взглядом.

Низкий, хриловатый голос. Чувственный.

– А вы не видите в этой комнате призрака? – брякнул я, не подумав, ибо явственно видел стоявшего в углу призрака, и только потом сообразил, что зрелище это никому, кроме меня, не доступно. Сияющее, самоуверенное пугало явилось по мою душу.

– Нет, я ничего не вижу, – спокойно ответила Роуан. – А что, здесь присутствует призрак, которого я должна видеть?

Женщины с таким хриловатым голосом всегда обладают особым шармом.

– В этом доме действительно обитают призраки, – согласился отец Кевин с типичным для янки бостонским выговором. – Думаю, вам, как другу Квинна, это известно.

– О да, – кивнул я. – Просто никак не могу к ним привыкнуть. Они пугают меня. И ангелы тоже.

– А разве не вы провели обряд экзорцизма, чтобы избавиться от Гоблина?

Вопрос священника застал меня врасплох.

– Да, и это сработало. – Я с удовольствием сменил тему разговора. – Гоблин покинул этот дом, и Квинн наконец-то от него освободился.

Дядя Джулиен не шелохнулся.

– Где она? – спросила Роуан, конечно же имея в виду Мону.

– Мона хочет остаться здесь, – сказал я. – Что тут непонятного? – Я пересек комнату и сел на стул лицом к Роуан, так, чтобы торшер оказался у меня за спиной. Таким образом, лицо мое оставалось в тени, а я мог видеть всех, включая своего заклятого врага в углу. – Она не хочет умирать в Мэйфейровском центре. У нее хватило сил сесть за руль и доехать сюда. Вы знаете Мону. Сейчас она наверху с Квинном. Доверьтесь нам. Оставьте ее здесь. Мы о ней позаботимся. Можно вызвать на помощь старую сиделку тетюшки Куин.

Роуан смотрела на меня как на сумасшедшего.

– Вы понимаете, насколько это будет тяжело? – Она вздохнула, и невероятная усталость отразилась на ее лице. Но только на мгновение. – Вы осознаете все последствия?

– Вы ведь привезли с собой кислород и морфий? – Я глянул через плечо на машину «скорой помощи», стоявшую у парадного крыльца. – Оставьте их нам. Синди, сиделка, сумеет в случае необходимости ими воспользоваться.

Роуан приподняла брови. И снова тень усталости пробежала по ее лицу. Но доктор Мэйфейр была сильной женщиной. Она пыталась разгадать меня. Ничто во мне не пугало ее и не отталкивало. А я находил ее прекрасной. В ее глазах светился незаурядный ум.

– Квинн, вероятно, не в состоянии понять, какую ношу на себя взваливает, – тихо заговорила она. – Я не хочу, чтобы он страдал. Не хочу, чтобы Мона умирала в муках. Вы понимаете меня?

– Конечно, – ответил я. – Поверьте, мы позвоним вам, когда придет время.

Роуан склонила голову и тут же снова вскинула на меня взгляд.

– Нет, вы не понимаете. – Ее хриловатый голос был полон тревоги. – Нет никаких разумных объяснений тому, что она до сих пор жива.

– Но таково ее желание. Она больше не чувствует боли и хочет отдохнуть, – упорствовал я и добавил, но уже мысленно: «Это правда. Теперь нет причин за нее беспокоиться».

– Этого не может быть, – прошептала Роуан, и что-то в ее лице вдруг переменялось. – Кто вы? – уже громче спросила она, и хрипотца в ее низком голосе только подчеркнула серьезность вопроса.

Я был околдован и никак не мог освободиться от чар этой женщины. По спине снова пробежал холодок. В гостиной было слишком темно. Следовало попросить Жасмин зажечь люстру.

– Мое имя не имеет значения, – ответил я, с трудом выдавливая из себя каждое слово.

В чем секрет этой женщины? Почему ее обезоруживающая красота волнует и пугает одновременно? Я хотел заглянуть в ее душу, но она была слишком умна, чтобы это позволить. И все же я успел понять, что Роуан хранит в себе целый букет тайн, что она как-то связана с монстром, ребенком Моны, которого я видел в ходе Обряда Тьмы, и много что еще.

Я вдруг понял, что Роуан скрывает нечто ужасное для нее самой, что сохранность этой тайны и мучительные мысли о ней кардинальным образом влияют на ее собственное сознание, а источником неистощимой энергии этой потрясающей женщины в значительной степени служит всепоглощающее чувство вины. Я жаждал узнать, в чем же состоит эта тайна, проникнуть в ее суть, пусть даже на краткое мгновение. Я бы что угодно отдал...

Роуан отвернулась, явно смущенная моим чересчур пристальным взглядом, и наша мысленная связь прервалась. Однако я успел уловить ее безмолвное объяснение: «Власть над жизнью и смертью».

– Прежде чем уехать, я должен увидеть Мону, – заговорил вдруг отец Кевин. – К тому же мне необходимо побеседовать с Квинном об экзорцизме. Поймите, ведь я тоже видел Гоблина. Я беспокоюсь о них обоих. Скажите Моне, что мы здесь...

Оказывается, он уже сидел на стуле напротив меня, а я даже не заметил.

– Думаю, нам обоим следует повидаться с ней, – обернулся он к Роуан. Голос звучал негромко, смиренно, искренне – идеальная манера речи священника. – И тогда мы решим, как поступить.

Встретившись с ним взглядом, я сумел на мгновение проникнуть в тайны Мэйфейров, известные только им, в тайны, которыми они не могли ни с кем поделиться и которые были так прочно связаны с их происхождением и благосостоянием, что избавиться от них или хотя бы вычеркнуть из памяти не представлялось возможным. Отцу Кевину приходилось нести вдвойне тяжелый груз, ведь он, как духовник семьи, был связан священной клятвой, а ему открывали то, во что с трудом можно было поверить, и это в корне изменило его душу.

Но отец Кевин тоже умело блокировал доступ к своему сознанию. И при очередной попытке проникнуть туда меня вновь охватили болезненные воспоминания о собственном детстве, об учебе, о том, как сильно я хотел быть хорошим. А внутренний голос все шептал и шептал, возвращая память в прошлое, и это выводило меня из себя. Хватит! Я вдруг отчетливо осознал, что упустил великое множество шансов спасти свою душу, хотя получал их в течение всей жизни, ибо мое предназначение заключалось в том, чтобы идти от искушения к искушению, не с тем, чтобы грешить, но с тем, чтобы заслужить прощение.

Никогда раньше я не рассматривал свою жизнь под этим углом.

Если бы Лестат, тот мальчик из давно минувших времен, приложил больше усилий, он мог бы стать монахом.

– И был бы проклят! – прошипел призрак.

– Это невозможно, – сказал я.

– Невозможно увидеть ее? – переспросила Роуан. – Вы шутите!

Я услышал тихий смех и повернулся на стуле.

Призрак стоял справа от меня.

– И что ты теперь собираешься делать, Лестат? – с ухмылкой поинтересовался он.

– В чем дело? – спросила Роуан. – Что вы видите?

– Ничего, – ответил я и продолжал упорствовать: – Вы не можете увидеться с Моной. Я обещал ей, что никто не поднимется наверх. Ради бога, оставьте ее в покое! – Я изо всех сил старался убедить их в своей правоте, но уже начинал отчаиваться. – Будьте милосердны, позвольте ей умереть так, как она хочет. Дайте ей уйти!

Роуан пристально смотрела на меня, возможно, несколько удивленная моим неожиданным всплеском эмоций. Лицо ее вдруг омрачила тень безмерного душевного страдания, словно у нее больше не было сил скрывать его. А может, это моя вспышка разожгла тлевший в ней огонь.

– Он прав, – сказал отец Кевин. – Но вы же понимаете, что мы должны остаться.

– К тому же это ненадолго, – добавила Роуан. – Мы будем вести себя тихо. Если вы не желаете видеть нас в доме...

– Нет-нет, мы, конечно же, всегда вам рады, – поспешил возразить я. – Mon Dieu!

И снова этот смех.

– Кто ж так принимает гостей? – хмыкнул дядя Джулиен. – Жасмин даже не предложила им крекеров и хотя бы по стакану воды. Я потрясен!

Меня позабавила реплика призрака, хотя я сомневался в его искренности. Однако я обнаружил, что меня волнует этот вопрос, и пришел в ярость! В ту же минуту до меня донеслись звуки, которые никто другой в гостиной слышать не мог, – ну разве что усмехающийся призрак. Это были протестующие вопли и рыдания Моны. Я должен был к ней вернуться.

Что ж, ничего не поделаешь, придется Лестату вновь проявить жестокость и вышвырнуть из дома самую замечательную женщину из всех, кого ему доводилось встречать в своей жизни.

– Послушайте меня, вы, оба... – Я посмотрел прямо в глаза Роуан, потом быстро перевел взгляд на отца Кевина. – Я хочу, чтобы вы отправились домой. Мона, как и вы, экстрасенс, и ваше присутствие очень ее расстраивает. Она чувствует, что вы здесь. От этого ей только больнее. – И это было правдой! – Я должен подняться наверх, чтобы успокоить ее. Пожалуйста, уходите. Она хочет быть со мной, и это желание дало ей силы добраться сюда. А я обещаю, что свяжусь с вами, как только все это закончится. Пожалуйста, уходите.

Я встал, подошел к Роуан и, взяв ее за руки, едва ли не силой поднял из кресла.

– Вот чурбан неотесанный! – презрительно воскликнул призрак.

Отец Кевин был уже на ногах.

Не в силах прийти в себя от изумления, Роуан смотрела на меня широко открытыми глазами. Я проводил ее до парадной двери, священник шел следом.

«Верьте мне. Поверьте, именно этого хочет Мона», – мысленно твердил я, теряясь в догадках, слышат они рыдания Моны или нет.

Продолжая смотреть прямо в глаза Роуан, я открыл дверь. Нас окутал теплый летний воздух, напоенный ароматом цветов.

– Пожалуйста, уезжайте, – сказал я.

– Но кислород и морфий, – отозвалась Роуан.

Ее хриловатый голос был невероятно обольстительным, а причиной тревожного выражения лица и чуть заметно нахмуренных бровей явно была какая-то таинственная, нежеланная и ужасная способность. Но какая именно?

Мы стояли на крыльце и рядом с массивными колоннами выглядели сущими карликами. Багровый свет неожиданно подействовал на всех умиротворяюще, и острота момента ушла. Казалось, на нас опустились вечные сумерки. Я слышал голоса ночных птиц и беспокойное дыхание болотной воды вдалеке.

Отец Кевин проинструктировал санитаров, и они внесли в дом все необходимое.

Я не мог оторваться от этой женщины. Не помню, что я ей говорил. Призрак смеялся. Я был в замешательстве.

«В чем твой секрет?» – безмолвно вопрошал я.

Я почувствовал физический толчок, как если бы она уперлась руками мне в грудь и старалась сдвинуть меня с места. За ее плечом стоял призрак. Это она меня отталкивала. Источником моих ощущений, несомненно, была она, Роуан.

Красота ее была враждебной.

Она слегка вскинула голову и прищурилась, волосы мягко скользнули по щекам.

– Позаботьтесь о Моне, – сказала она. – Я люблю ее всем сердцем. Вы не представляете, как тяжело мне признать свое поражение, осознать, что все мои способности, все возможности...

– Конечно. Я знаю, как вы ее любите, – отвечал я. – Я тоже люблю ее, хотя едва знаю.

Пустая болтовня. Эта женщина страдала. А страдал ли я? Призрак смотрел на меня осуждающе. Этот высокий мужчина стоял прямо за спиной Роуан, но она не ощущала его присутствия.

Что открыло мне ее сознание? То чудовищное, что определяло все ее существование и что она особенно остро ощутила в тот момент:

«Я отняла чужую жизнь».

Я содрогнулся. Взгляд Роуан будто пригвоздил меня к месту.

«Я много раз отнимала жизни».

Мимо нас проскользнули санитары, переносившие в дом еще какие-то приборы. Из распахнутой парадной двери пахло прохладой. На пороге стояла Жасмин. Призрак не двигался с места. Мне казалось, что изогнутые ветви выстроившихся вдоль усыпанной гравием аллеи ореховых деревьев образуют некий узор, символизирующий тайное послание от Владыки Вселенной. Но каков его смысл?

– Подойдите ко мне, – попросил я Роуан.

Жизнь, исполненная страданий и жажды искупления... Невыносимо! Я должен был прикоснуться к ней, защитить ее, спасти.

Господь Всемогуший, прости меня, но я обнял ее, поцеловал в щеки, потом в губы.

«Не бойся за Мону».

– Ты не понимаешь, – прошептала она.

И тут меня словно обожгло. Перед глазами возникла больничная палата – настоящая камера пыток, заполненная медицинской аппаратурой, на мониторах которой мигало множество цифр, содержимое блестящих пластиковых пакетов медленно вытекало через мягкие прозрачные трубки... И там была Мона – рыдающая и всхлипывающая совсем так же, как недавно здесь, в доме. А в дверях стояла Роуан...

«Едва не использовала свою силу, едва не убила Мону...»

– Я вижу и все понимаю. Но тогда еще не пришло ее время. Она хотела увидеть Квинна, – шептал я ей на ухо.

– Да, я напугала ее. – Глаза Роуан были полны слез. – Пойми, она догадалась, что я собираюсь сделать, и знала, что это в моих силах. Вскрытие показало бы, что смерть наступила от обыкновенного инсульта. Но она знала! Я чуть не... Я испугала ее. И она...

Я крепко прижал Роуан к себе и затаил дыхание.

Я целовал ее слезы. Я хотел быть святым. Хотел быть тем священником, который ожидал ее возле машины и делал вид, что не видит наших поцелуев. Что такое поцелуй? Поцелуй смертных? Я снова поцеловал ее в губы. Это была человеческая влюбленность и одновременно всепоглощающее желание кровной связи... Не жажда ее смерти, нет, Господь свидетель, всего лишь желание обрести кровную связь, познать ее.

Кто она, Роуан Мэйфейр? Голова у меня пошла кругом.

Призрак у нее за спиной сверкал глазами так, словно готов был взорвать ад и обрушить на меня всю его силу.

– Как ты могла знать, пришло время или нет? – говорил я. – Самое главное, что ты это не сделала. А сейчас она рядом с Квинном, как и хотела.

Я грубо, страстно ее поцеловал. Тело Роуан обмякло, на одно-единственное бесценное мгновение я почувствовал, что мы словно слились в единое целое... Но в следующую секунду меня внезапно обдало холодом, и она отстранилась.

Роуан почти бесшумно сбежала вниз по ступенькам. Отец Кевин открыл перед нею дверцу лимузина. Машина «скорой помощи» уже отъехала от дома. Роуан повернулась, взглянула на меня и помахала рукой.

Такой дружелюбный и неожиданный жест. Сердце мое будто стало вдруг огромным и забилося так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

«Нет, бедная моя малышка. Ты не убила ее. Это сделал я. Я убил ее! Это моя вина. Она снова рыдает. И призрак слышит ее плач».

Глава 5

Никто из смертных обитателей дома не слышал рыданий Моны: стены были слишком толстыми.

Между тем Жасмин накрыла ужин в центре столовой и поинтересовалась, не желаем ли мы с Квинном присоединиться к Томми и Нэшу. Я ответил отрицательно, объяснив, что, как она, конечно же, понимает, мы не можем оставить Мону.

Я попросил Жасмин позвонить Синди, сиделке, хоть, возможно, она и не понадобится, и убрать с глаз долой лекарства и кислородный баллон. (Вообще-то эта милая леди производила свое имя как Сайнди, так что с этого момента так и будем ее называть.)

Я прошел в гостиную и попытался привести в порядок мысли. Один только запах Роуан, оставшийся на моих ладонях, приводил меня в состояние шока. Мне надо было перевести дух, настроиться на нежную привязанность к каждому обитателю дома. Пойти к Моне.

Ну почему я готов с такой легкостью идти на уступки ведьмам? Все члены клана Мэйфейр доставляют одни только неприятности! Их замыслы, энергия и воля заставляют меня нервничать. Я даже Меррик обвинял в том, что накануне ночью она решила принести себя в жертву и тем самым спасти свою бессмертную душу, оставив меня один на один все с теми же вечными муками.

А тут еще этот призрак. Мэйфейровский призрак вернулся в свой угол и смотрел на меня оттуда глазами, полными такой злобы, какой мне еще не доводилось видеть ни у одного существа на свете, будь то вампир или человек.

Я рассмотрел его повнимательнее: мужчина, лет около шестидесяти, коротко подстриженные, белые как снег, вьющиеся волосы, правильные черты лица и благородная осанка. Трудно сказать, почему он выглядел именно на шестьдесят, разве что в тот земной период своей жизни он чувствовал себя особенно сильным. Я достоверно знал, что он умер задолго до Моны и, следовательно, мог выбрать для себя любое обличье.

Призрак никак не отреагировал на мои размышления. В его неподвижности было что-то настолько зловещее, что я начал терять самообладание.

– Ладно, молчишь, так молчи, – сердито сказал я, злясь на себя за дрожь в голосе. – Какого черта ты меня преследуешь? Ты что, думаешь, я могу все исправить, вернуть назад? Не могу. Никто не может. Хочешь, чтобы она умерла, преследуй ее, а не меня.

Никакой реакции.

И никоим образом не мог я умалить достоинство женщины, которая только что помахала мне рукой на прощание, чьи соленые слезы я все еще ощущал на своих губах. Не стоит и пытаться. Да что же со мной происходит, в конце концов?

В этот момент в гостиную, вытирая руки о фартук, заглянула из коридора Большая Рамона.

– Ну вот, теперь у нас появился еще один сумасшедший: разговаривает сам с собой, да еще и прямо у стола, возле которого непонятно зачем постоянно вертелся дедушка Уильям. Это я о призраке, часто являвшемся Квинну. Мы с Жасмин тоже его видели.

– Какой стол? Где? – отрывисто спросил я. – Кто такой дедушка Уильям?

Честно говоря, я знал эту историю. И видел стол, на который каждый раз указывал призрак, являвшийся Квинну. И все они из года в год обыскивали этот стол, но так ничего и не нашли.

Очнись, идиот!

Наверху влюбленный Квинн безуспешно старался успокоить Мону.

Томми и неизменно безупречный Нэш спустились к ужину и, негромко что-то обсуждая, прошли в столовую. Меня они не заметили.

Я подошел к витрине с камнями возле пианино. Расстояние между мной и призраком, таким образом, увеличилось, он остался далеко справа, но это ничего не меняло: горевшие злобой глаза продолжали меня преследовать, следили за каждым моим движением.

В застекленной, никогда не запиравшейся витрине были выставлены камеи тетушки Куин. Я поднял стеклянную крышку, которая крепилась петлями на манер книжной обложки, и взял в руки камеею с изображением Посейдона и его супруги, мчащихся на колеснице, запряженной морскими коньками, по вздымающимся волнам. Мастерски выполненная картина смотрелась круто.

Положив камеею в карман, я поспешил наверх.

Мону я нашел лежащей на усыпанной цветами кровати. Она рыдала, заливаясь слезами, в то время как отчаявшийся Квинн стоял в изголовье и пытался утешить возлюбленную.

Никогда еще я не видел, чтобы Квинн был так напуган. Я жестом дал ему понять, что все прошло как надо.

Призрака в спальне не было. Я не ощущал его присутствия и не видел его. Стало быть, он проявлял осторожность и не хотел светиться перед Моной.

Мона, обнаженная, с разметавшимися волосами, рыдала, лежа на кровати. Прекрасное тело мерцало среди цветов. Одежда тетушки Куин, аккуратно сложенная Большой Рамоной, упала и разлетелась по всему полу.

На секунду меня обьял ужас. Этот удар я получил по заслугам и вряд ли мог его избежать, однако не собирался рассказывать о нем ни Квинну, ни Моне – никогда, сколько бы времени ни суждено нам еще скитаться по свету. Наверное, это был ужас перед тем, к чему могут привести минутные прихоти и сильная воля. Точнее, к чему они привели. Но, как всегда бывает, анализировать собственные эмоции было некогда.

Я посмотрел на Квинна – своего маленького брата, своего воспитанника.

Он ненавидел своих создателей, и ему даже не пришло в голову рыдать в их присутствии. То, что делала Мона, было вполне предсказуемо.

Я лег на кровать рядом с ней, откинул назад густые волосы и заглянул ей в глаза. Она мгновенно утихла.

– Что, черт возьми, с тобой происходит? – спросил я.

Мона медлила с ответом, а я, потрясенный открывшейся моим глазам красотой, не мог оторвать от нее взгляд.

– Ничего, – наконец сказала она, – если ты так ставишь вопрос.

– Ради бога, Лестат, – взмолился Квинн, – не будь таким жестоким, ты же понимаешь, какое испытание выпало на ее долю.

– Я не жестокий, – возразил я. (Это я-то жестокий?)

Я продолжал внимательно наблюдать за Моной.

– Ты меня боишься?

– Нет. – Она покачала головой и чуть нахмурилась, отчего между бровями пролегла небольшая морщинка. На ее щеках виднелись красные полосы от кровавых слез. – Просто я была так уверена, что умру.

– Ну, тогда исполни реквием, – сказал я. – Позволь, помогу тебе с текстом: «Зной, иссуши мой мозг! Соль семикратно жгучих слез, спали живую силу глаз моих!»

Она рассмеялась.

– Вот и хорошо, сладкий бутончик, мне, твоему Создателю, приятно слышать твой смех. А теперь выброси все темные мысли из головы, освободись от прошлого.

– Я так долго знала, что должна умереть. Господи, если подумать, до сегодняшнего дня я вообще ничего не знала, кроме этого! Мне суждено было умереть. – Слова спокойно слетали с ее губ. – Те, кто меня окружал, давно привыкли к этому, но я их разочаровала. Они

говорили: «Ты такая красивая, мы никогда тебя не забудем». Умирание стало моей главной обязанностью. Я лежала в постели и старалась придумать, как сделать это легче для всех. Я хочу сказать, они были такими несчастными. Так это и тянулось год за годом...

– Продолжай, – попросил я, мне нравилась ее искренность и непосредственность.

– Был период, когда мне еще доставляли радость музыка, шоколад, ну, ты понимаешь, всякие мелочи – вроде пижамы с кружевами, например. Я вспоминала о своем ребенке, о дочери, которую потеряла. А потом у меня пропал аппетит, и я не могла ничего есть. А музыка только действовала мне на нервы. Я видела людей, которых на самом деле не было рядом со мной. Я думала, что, может быть, у меня никогда не было этого ребенка. Морриган так быстро исчезла. Но, с другой стороны, я не была бы обречена, если бы не родила Морриган. Я видела призраков...

– Дядю Джулиена? – спросил я.

Мона поколебалась и ответила:

– Нет. Дядя Джулиен приходил ко мне очень, очень давно, когда хотел, чтобы я что-нибудь сделала, и всегда только во сне. Дядя Джулиен на небесах, он не приходит на землю, если на то нет очень серьезных причин.

(Сильный, тщательно замаскированный страх.)

– Это были призраки людей, – продолжала Мона, – которые умерли и ждали меня, мои мама и папа, например. Ну, понимаешь, те, кто приходит, чтобы указать путь в иной мир. – Ее негромкая речь звучала удивительно мелодично, что, впрочем, свойственно всем вампирам. – Но они не разговаривали со мной. Отец Кевин говорил, что время еще не пришло. Отец Кевин – могущественный колдун. Он об этом и не догадывался, пока не вернулся домой, на Юг. По ночам он ходит в церковь Успения Богородицы и там, в темноте, когда горят только свечи, ложится на мраморный пол, понимаешь, во весь рост...

(Сокровенная боль. Я понимаю.)

– И вот так, распластавшись на полу, он созерцает распятого Христа и воображает, будто целует его кровоточащие раны.

– А ты? Ты, страдая от боли, молилась? – не удержался я от вопроса.

– Не очень усердно, – призналась Мона. – Молитва подразумевает некую логику, молящийся должен соблюдать определенную последовательность. В последний год я не была способна на такое.

– Ах да, понимаю, – сказал я, – продолжай.

– А потом что-то произошло. Люди хотели, чтобы я умерла. Что-то случилось. Кто-то... Они хотели, чтобы я покончила с этим...

– А ты хотела покончить с этим?

Мона немного помолчала.

– Я хотела убежать, – после паузы заговорила она. – Но потом кто-то... Кто-то... Я стала думать...

– О чем?

– О чем-то незначительном и мелком.

– Неправда, – возразил я.

– Я стала думать о том, как спуститься по лестнице, как добраться до лимузина и проскользнуть за руль, как раздобыть цветы, как добраться до Квинна...

– Понимаю. Поэтично. Необычно. Но не мелко.

– Целеустремленность, подкрепленная поэзией, – подсказала Мона. – «Туда она пришла, сплетя в гирлянды крапиву, лютик, ирис, орхидеи...»⁷ Примерно так я и поступила.

⁷ Шекспир У. Гамлет. Акт 4, сцена 7. Перевод М. Лозинского.

– Один в один, – подтвердил я. – Но до того как ты решилась на это... был кто-то... ты собиралась о ком-то рассказать...

– Ко мне пришла Роуан, – не сразу ответила Мона. – Ты не знаком с моей кузиной Роуан. (Разве?)

В ее прекрасных ясных глазах промелькнула боль.

– Ну, в общем... Да, пришла Роуан. Она обладает этим мощным даром...

– Скажи, она хотела убить тебя, чтобы помочь тебе или ради себя самой?

Мона улыбнулась.

– Не знаю. Думаю, она и сама не знала.

– Но она поняла, что ты догадалась, и не воспользовалась своим даром?

– Я сама ей сказала. Я сказала: «Роуан, ты меня пугаешь! Прекрати это, мне страшно!»

И она заплакала. Или это я заплакала? Кажется, все-таки я! Во всяком случае, кто-то из нас.

Мне было очень страшно.

– И поэтому ты сбежала?

– Да, сбежала.

– «Она меж тем обрывки песен пела»⁸.

Мона снова улыбнулась. Станет ли она говорить о женщине-ребенке? Она лежала очень тихо.

Я чувствовал, как волнуется Квинн, как его переполняет любовь к Моне.

Все это время его рука неподвижно лежала на плече Моны.

– Я не умираю, – сказала Мона. – Я все еще здесь.

– Нет, ты не умираешь, – подтвердил я. – С этим покончено.

– Теперь я должна напрячь память и вспомнить то время, когда была способна хотеть чего-то.

– Ничего ты не должна, – отрезал я. – Это разговоры для смертных. Теперь ты Мона, Рожденная для Тьмы.

Я старался не торопить события и наблюдал, как появляется и исчезает на ее лице улыбка, как бледнеют веснушки на щеках, как светится кожа.

– Да, именно так, – продолжал я. – Всмотрись в меня. Ты видишь цвета, которые никогда прежде не видела. Ты испытываешь ощущения, о которых никогда даже не мечтала. Темная Кровь – великий учитель. Ты дрожишь, потому что боишься возвращения боли. Но она никогда не вернется, даже если ты этого захочешь. Поверь мне и перестань дрожать. Хватит.

– Чего ты от меня хочешь? – спросила она. – Чтобы я уступила, подчинилась тебе или Темной Крови?

Я тихо рассмеялся.

– Даже не знаю почему, но женщины не перестают меня удивлять. Мужчины – нет. Наверное, я всегда недооценивал женщин. Они приводят меня в смущение. Их прелесть действует на меня, как встреча с инопланетным существом.

Мона расхохоталась:

– О чем это ты?

– Ты, дорогая моя, поистине Великое Непознанное.

– Слишком витиевато, – отозвалась она.

– Ладно, представь себе, как библейский Адам, этот Вечный Нытик, говорит Всемогущему Господу, Создателю, Яхве, тому, кто сотворил звезды: «Женщина дала мне яблоко!»

Пойми, этот убогий жлоб просто тряпка! Вот это и есть первородный грех!⁹ В этом и состоит величайшая трагедия! В том, что он жа-лу-ет-ся! Но! Когда видишь великолепную

⁸ Шекспир У. Гамлет. Акт 4, сцена 7. Перевод М. Лозинского.

⁹ Первородный, или прародительский, грех – грехопадение Адама и Евы, которое, по учению Библии, отразилось пре-

женщину, такую, как ты, с такими же зелеными, идеально расположенными глазами, с мелодичным голосом, которым она произносит умные слова, и эта женщина лежит нагая и смотрит на тебя с выражением всеобъемлющего понимания, начинаешь сочувствовать Адаму. Его состояние не поддается описанию, он в замешательстве и неуклюже пытается оправдаться: «Это совершенно непостижимое, сверхъестественное, загадочное, соблазнительное существо, сотворенное из моего ребра, накормило меня!» Поняла?

Квинн, сам того не желая, тихо рассмеялся. При виде нас с Моной, лежащих рядом в постели, его обуял собственнический инстинкт, так что с его стороны было весьма мило только лишь рассмеяться.

Я вновь обратил взгляд на Мону. Хватит о садах Эдема. (И хватит о том, что произошло внизу, на парадном крыльце, между мной и той, кто бесконечно превосходит любой из воображаемых мною объектов желания.)

Проклятье! Эти чертовы цветы по всей кровати! Мона спокойно ждала, что будет дальше. Ее обнаженные груди прямо передо мной, рыжие волосы запутались в розах, зеленые глаза и мягко очерченный рот. Невероятное создание, а ведь мне доводилось встречаться с великим множеством поистине изумительных существ. Что же со мной происходит? Наверное, стоит сделать вид, будто ничего страшного не случилось, будто я, изверг, опять не сотворил зло.

– Отдайся во власть нас обоих, мою и Крови, – сказал я. – Я хочу, чтобы вы с Квинном в отличие от меня достигли совершенства. Хочу, чтобы период ученичества, который тебе предстоит, прошел безупречно. Ты меня слушаешь? Квинн был рожден дважды, и оба рождения обошлись ему очень дорого. Виной тому никчемные матери. Я хочу стереть это из его памяти.

Квинн слегка сжал мою руку. Это был жест одобрения, невзирая на то, что я практически лежал на маленьком сочном теле любви всей его жизни, которая теперь трансформировалась в его бессмертного компаньона.

– Кровь сказала мне многое, – медленно заговорила Мона. Кровавые слезы на ее щеках высохли и походили теперь на хлопья пепла. – И многое объяснила. Мне было так хорошо. А потом пришли мысли. Я знаю, ты прожил не один век. И даже пытался покончить с собой, но безуспешно. Ты удалился в пустыню, подобно Христу, однако очень сильная кровь не позволила тебе умереть. И то, что ты не можешь умереть, пугает тебя. Все, во что ты верил, рухнуло. Ты говоришь себе, что у тебя не осталось иллюзий, но это неправда.

Мона снова задрожала. События развивались слишком стремительно для нее. Может быть, и для меня тоже. А где же призрак? Рассказать ей о призраке? Нет. Я почувствовал облегчение оттого, что она больше не могла читать мои мысли.

– У нас нет своей веры, – сказал я Моне, обращаясь в то же время и к Квинну. – Бог терпит нас, но какое это имеет значение?

Мона горько улыбнулась.

– А у кого сейчас есть вера? – спросила она.

– У многих. У вашего отца Кевина, кажется, есть, – ответил я.

– Он верит только в Христа, – возразила Мона. – А это нечто другое.

– По мне, так это просто здорово, – откликнулся я.

– О, перестань, он не смог бы обратить тебя, даже имея в своем распоряжении целый век.

Меня охватили мучительные воспоминания. О Мемнохе-дьяволе. О беседах с Богом Воплощенным. О сомнениях и подозрениях, что я всего лишь пешка в какой-то хитроумной игре душ. О том, как я бежал из ада, заполненного мириадами взывающих о прощении, в

холодный, заснеженный Нью-Йорк, как поставил материальное, чувственное и цельное превыше иллюзий. Действительно ли я не верил тому, что видел собственными глазами? Или просто счел все это невыносимым?

Я не мог ответить на этот вопрос. Я хотел быть святым! Мне было страшно. Я ощущал пустоту. Какова была природа ребенка-монстра, рожденного Моной? Я не хотел это знать. Нет, хотел.

А потом я встретился с ней взглядом. И вспомнил о Квинне. Вот тогда в полумраке спальни на меня снизошло озарение.

– Вообще-то, и у нас есть свои легенды, – сказал я. – У нас была богиня. Но сейчас не время для подобных разговоров. Вам не обязательно верить во все то, что я видел. Я должен наделить вас пронизательностью и дальновидностью. Ибо это сильнее и важнее любых иллюзий. Именно благодаря этому такие могущественные существа, как мы, могут существовать, не причиняя вреда тем, кто добродетелен.

– Убей творящего зло, – с невинным видом произнесла Мона.

– Аминь, – сказал я. – Убей творящего зло. И тогда мир действительно станет нашим. Мир, которым ты хотела владеть, когда была несносным ребенком, когда грезила наяву, целыми днями блуждая по улицам Нового Орлеана, словно девица легкого поведения. О, я знаю тебя, маленькая девочка из школы при монастыре Святого Сердца, соблазнившая всех своих кузенов, жующая все без разбора, не отрываясь от компьютера. Да, я видел это. Как и твоих спившихся родителей, благополучно оставивших тебя в покое, – их имена уже вписаны в Книгу Смерти. Все это слишком рано разбило твое сердце.

– Ух ты! – Мона усмехнулась. – Не думала, что вампиры способны произнести столько слов на одном дыхании. Все точно. А не ты ли только что запретил мне оглядываться назад? Что, нравится отдавать приказания?

– Во время совершения обряда мы, как и положено, проникли в души друг друга и узнали все тайны, – сказал я. – Хотелось бы мне и сейчас узнать, что у тебя на уме. Ты меня озадачила. В своих мечтах я забываю обо всем, в том числе и о том, что те, кого я провел через Обряд Тьмы, в конце концов, как правило, покидают меня – из презрения или по иным причинам.

– Я не хочу уходить от тебя, – сказала Мона. Ее рыжеватые брови снова сошлись на переносице, на гладкой коже появились и тут же исчезли четкие морщинки. – Меня мучает жажда, – продолжала она. – Так и должно быть? Я вижу кровь. Чувствую ее запах. Я хочу ее.

Я вздохнул, ибо готов был поделиться с ней своей кровью, но сознавал, что не должен это делать. Ей следовало сохранить аппетит для охоты. Меня вдруг охватило вожделение.

Даже Квинн при всей его юношеской похоти смертного перенес перевоплощение Моны лучше, чем я. Так что мне следовало взять себя в руки.

Я поднялся с усталой кровати и прошелся по комнате, чтобы прийти в себя. Терпеливый Квинн настолько доверял мне, что держал свою ревность под контролем, только в синих глазах сверкали искры.

Мона повернула рукой цветы на кровати и снова начала бормотать стихи.

Я взял ее за руку, потянул к себе и поставил на пол. Она стряхнула лепестки цветов с волос – цветущая, сияющая девственница, созревшая для принесения в жертву, – мировая мечта. Я старался не смотреть на нее. Мона со вздохом оглядела разбросанную по полу одежду.

Квинн быстро наклонился и поспешно собрал вещи, ловко обходя Мону, словно боялся случайно ее коснуться.

Мона посмотрела на меня. Как я и ожидал, никаких следов произошедшего не осталось, все синяки от укусов исчезли. Но должен признаться (только вам), что перед обрядом я все же испытывал некоторые сомнения, ведь она была такая слабая и измученная, такая

истощенная. Однако все клеточки ее тела оставались живыми и ждали обновления. Кровь проникла в них и возродила.

– Когда... – полушепотом заговорила Мона, губы ее чуть подрагивали. – Как ты думаешь, когда я смогу увидаться с Роуан? Понимаешь, я не хочу обманывать их и прикидываться мертвой, не хочу просто взять и исчезнуть. Я... Мне нужно многое выяснить, задать им кучу вопросов. Ты же знаешь, моя дочь... Ушла. Мы не смогли ее найти. Но может быть, теперь – Мона осмотрелась, останавливая взгляд на самых обычных предметах: на столбике кровати, на кромке бархатного полога, на ковре. Она поджала пальцы босых ног. – Может быть, теперь...

– Ты не обязана умирать, – сказал я. – Разве Квинн не прямое тому доказательство? Он уже год живет здесь, на ферме Блэквуд. Тебе пока еще многое непонятно. Позже, вечером, сможешь позвонить Роуан. Скажешь ей, что с тобой все в порядке, что сиделка уже здесь...

– Да, наверное... – неуверенно откликнулась Мона.

– Она милая и добрая женщина, из тех, кого мне не составляет труда обмануть в два счета, что я и сделал, на кухне ее будут кормить курицей по-креольски с рисом. Ты ослепляешь меня, красавица. Оденься.

– Слушаюсь, босс, – прошептала Мона в ответ.

Улыбка мелькнула на ее лице, но я видел, что мозг ее напряженно работает. Секунду назад она смотрела на цветы так, будто они могли наброситься на нее, а в следующую отрешенно задумалась о своем.

– А как быть с людьми, которые остаются в доме? – спросила она. – Они все видели, в каком состоянии я приехала. Я знаю, как тогда выглядела. Скажем им, что свершилось чудо?

Я расхохотался.

– Квинн, у тебя в шкафу найдется плащ?

– Можно подыскать что-нибудь и посимпатичнее, – отозвался он.

– Отлично. И ты, конечно, сможешь проводить ее вниз? Я уже сказал Клему, что мы собираемся в Новый Орлеан.

– Будет сделано, босс, – снова сказала Мона, слабо улыбнувшись. – А что мы собираемся там делать, в Новом Орлеане?

– Охотиться, – ответил я. – Охотиться и пить кровь тех, кто творит зло. Чтобы отыскать их, ты будешь использовать свой телепатический дар. Шаг за шагом я проведу тебя по пути убийства. И все время буду рядом.

Мона кивнула.

– У меня внутри все горит от жажды, – призналась она, а потом вдруг широко распахнула глаза – ее язык коснулся маленьких острых клыков – и удивленно прошептала: – О Боже!

– Бог на небесах, – успокаивающе сказал я. – Не стоит к нему обращаться.

Мона взяла из рук Квинна трусики и натянула их, прикрыв маленькое гнездышко из рыжих лобковых волос. Это впечатляло в десять раз сильнее, чем нагота. Чуть длинноватая – тетушка Куин была выше Моны – шелковая комбинация с тонкими ляточками, через голову скользнувшая на тело, плотно облегла грудь и бедра, широкие кружева прикрывали колени.

Квинн достал из кармана носовой платок, стер засохшую кровь со щек Моны и поцеловал ее. Мона ответила на поцелуй, и на минуту они отрешились от всего мира, похожие на двух грациозных кошек, вылизывающих друг друга и урчащих от удовольствия. Не отрываясь от губ Моны, Квинн чуть приподнял ее над полом и все никак не мог остановиться. Он жаждал попробовать хоть каплю ее крови.

Я плюхнулся в кресло у стола Квинна и прислушался к звукам, доносившимся из-за двери: позвякивание тарелок в раковине, голос Жасмин, всхлипывания Сайнди, сиделки,

разрыдавшейся при виде спальни тетушки Куин. Вдобавок на нее нахлынули воспоминания о матери Квинна – Пэтси.

Клем ждал нас напротив дома, возле огромного лимузина. Да, не стоит пугать Мону полетом по воздуху – лучше отправиться в путь на машине.

Погрузившись в размышления, я как в тумане наблюдал за тем, как Мона натягивает на себя шелковое платье – кажется, ручной работы, с вышивкой на манжетах и на воротнике-стойке, который Квинн помог застегнуть сзади. Оно доходило Моне до коленей и смотрелось божественно. Мона походила в нем на босоногую принцессу. О да, согласен, избитое сравнение, однако оно не более избито, чем эпитеты «хорошенькая» и «миловидная» в отношении молодой женщины. Ладно, хватит пререкаться.

Мона надела маленькие, немного стоптанные белые тапочки, какие можно купить в любой аптеке (очевидно, она их здесь и сносила), и, наконец, откинув голову, трянула волосами. Пышные и блестящие, они не нуждались в расчесывании и выглядели идеально, каждая прядь занимала свое место. Высокий лоб правильных пропорций, идеальные брови... Теперь ее облик был почти совершенен.

Она взглянула на меня, словно желая напомнить о своем существовании, а потом заметила:

– Хитрая комбинация. Он знает, что у тебя в кармане камня, а я это знаю, потому что могу читать его мысли.

– О, так вот к чему привели все мои старания! – Я тихо рассмеялся. – А я совсем про нее забыл.

Я передал камню Квинну. Мне следовало предвидеть, что телепатический треугольник может доставить немало неприятностей.

Но ведь я сам захотел, чтобы они могли свободно читать мысли друг друга, так почему же, черт возьми, я завидовал?

Квинн наклонился над Моной и закрепил камень – красивое старинное украшение – посередине белого вышитого воротничка-стойки.

– Ты ведь не станешь надевать туфли тетушки Куин? – спросил он взволнованным шепотом. – Или все же наденешь?

Мона расхохоталась как сумасшедшая. Я тоже.

Тетя Куин всю жизнь, за исключением последнего дня, носила туфли на головкружительно высоких каблуках, со шнуровкой на лодыжках и с открытыми носками, некоторые из них были украшены горным хрусталем, а то и, насколько мне было известно, настоящими бриллиантами. Когда мы с ней познакомились, на ней как раз были такие дивные туфли.

По иронии судьбы в момент падения, ставшего причиной смерти тетушки, на ногах у нее были только чулки. Но эта гибель была злодеянием Лэшера – это он намеренно напугал тетушку Куин и даже подтолкнул ее. Так что туфли, огромная коллекция которых хранилась в гардеробной, были ни при чем.

Но представить себе Мону – нескладную девочку-подростка в оксфордских туфлях со шнурками и низким каблуком, – нацепившую на ноги любую пару обуви из коллекции тетушки Куин... Одна только мысль об этом повергала в безудержное веселье. Что могло бы заставить Мону сделать с собой такое? А если вам к тому же известно, какое внимание Квинн уделяет каблукам на женских туфлях, а именно на туфлях Жасмин и тетушки Куин, становится смешно вдвойне.

Мона, пребывавшая где-то посередине между состоянием вампирского транса и чувством всепоглощающей любви, пристально смотрела в глаза возлюбленному и пыталась решить, как ей поступить.

– Хорошо, Квинн, я надену ее туфли, – сказала она, – если ты так хочешь.

Теперь передо мной была абсолютно нормальная женщина.

Квинн в одну секунду связался с Жасмин по телефону и приказал ей мигом принести наверх одну из лучших атласных накидок тетушки Куин, белую, длиной до пола, украшенную страусиными перьями, а также пару ее новых туфель, самых блестящих.

Чтобы услышать ответ Жасмин, совсем не требовалось обладать вампирским слухом.

– Боже! Ты собираешься надеть все это на больную девочку? Ты лишился рассудка, маленький хозяин! Я поднимаюсь к вам! И Сайнди, сиделка, она здесь и тоже в ужасе. Она поднимется со мной, а ты лучше оставь бедного ребенка в покое. Боже, я серьезно! Кто тебе позволил раздевать ее? Ведь она не кукла! Квинн Блэквуд, да в своем ли ты уме? Или ты пытаешься мне сказать, что девочка уже умерла? Отвечай, Квинн Блэквуд! С тобой говорю я, Жасмин! Черт возьми, тебе хоть известно, что Пэтси сбежала, оставив здесь все свои лекарства, и никто не знает, куда она подевалась? Послушай, я не виню тебя в том, что ты не волнуешься за Пэтси, но кто-то ведь должен о ней подумать. Сайнди выплакала из-за нее все глаза...

– Жасмин, успокойся. – Теперь Квинн говорил очень спокойно и вежливо. – Пэтси мертва. Я убил ее позапрошлой ночью. Сломал ей шею, бросил в болото, где ее съели крокодилы. Тебе больше не надо волноваться за Пэтси. Выброси все ее лекарства в мусорное ведро. Пусть Сайнди поужинает. Скажи ей. Я сам спущусь за туфлями и халатом тетушки Куин. Мона чувствует себя гораздо лучше. – Он положил трубку и поспешил к двери, бросив мне на ходу: – Запри дверь.

Я подчинился.

Мона испытующе посмотрела на меня.

– Он сказал правду о Пэтси? – спросила она. – И Пэтси – его мать?

Я кивнул и пожал плечами:

– Они ему никогда не поверят. И это самый разумный ход с его стороны. Он может повторять свое признание до судебного дня. Но когда ты узнаешь побольше о Пэтси, ты поймешь.

Мона была в ужасе, и Кровь лишь усугубляла ее состояние.

– Самый разумный ход – это что? – спросила она. – Убийство Пэтси или признание в нем?

– Сказать им об этом, вот что разумно, – ответил я. – Только сам Квинн может объяснить, почему убил ее. Могу только подтвердить, что Пэтси ненавидела его, она была черствой, безжалостной женщиной. Она умирала от СПИДа. И жить ей оставалось совсем немного. Если у тебя есть вопросы, пусть на них ответит сам Квинн.

Ошеломленная услышанным, Мона не могла прийти в себя. Девственная вампириша едва не лишилась чувств от потрясения.

– За все годы, что я его знаю, он ни разу не упомянул при мне имя Пэтси и даже в письмах не ответил ни на один мой вопрос о матери.

Я снова пожал плечами.

– У него свои секреты, у тебя – свои. Мне, например, известно имя твоего ребенка – Морриган. А Квинн этого не знает.

Мона вздрогнула.

Снизу доносился приглушенный шум ссоры. Даже только-только вставшие из-за стола Нэш и Томми были вовлечены в скандал и приняли сторону Жасмин. А Большая Рамона объявила Квинна некромантом. Сайнди рыдала.

– И все же... Убить собственную мать... – Недоуменно прошептала Мона.

На какую-то секунду я позволил себе погрузиться в воспоминания о собственной матери, Габриэль, которую провел через Обряд Тьмы. Мир велик, и кто знает, в каком его уголке пребывает сейчас это холодное, жестокое, молчаливое существо, чье стремление к одиночеству было для меня непостижимо? Я давно не встречал Габриэль, хотя с радостью

повидался бы с ней. Наши свидания лишены тепла и понимания, они не приносят утешения. Но разве это важно?

Квинн постучал в дверь. Я впустил его. На улице заурчал мотор лимузина. Клем готовил его к поездке. Ночь была жаркой, и он включил систему охлаждения. Нам предстояло чудесное путешествие в Новый Орлеан.

Плотно прикрыв и заперев дверь, Квинн прислонился к ней спиной и глубоко вздохнул: – Ограбить Банк Англии было бы проще.

Он вложил в протянутые руки Моны блестящие туфли на высоких каблуках.

Мона внимательно их осмотрела.

Встав на каблуки, она будто выросла на добрых четыре дюйма, а напряженно выпрямленные ноги – это было заметно даже под платьем – сделались обезоруживающе соблазнительными. Туфли оказались ей чуть-чуть маловаты, но ремешки, усыпанные искусственными бриллиантами, были просто великолепны. Пока Мона застегивала на щиколотке ремешок, Квинн сделал то же самое со вторым.

Потом она приняла от Квинна накидку, надела ее, запахла полы и рассмеялась, когда легкие перья коснулись шеи.

Свободная, переливающаяся нарядная накидка смотрелась на ней просто восхитительно.

Мона носилась по комнате, то и дело кружась. Мужчинам, по-моему, такие па не по плечу. Она великолепно сохраняла равновесие. Едва начав ощущать собственную силу, она испытывала своего рода эйфорию, которая и подталкивала ее к столь рискованным экспериментам, как эти стремительные вращения на невероятно высоких каблуках. Круг, еще один, еще – и вдруг Мона резко остановилась и застыла возле дальнего окна.

– Ради всего святого, скажи, почему ты убил свою мать? – спросила она.

Квинн уставился на нее в полной растерянности. Потом плавным движением приблизился к Моне, обнял ее и прижал, как прежде, к себе. Однако ничего не сказал. Упоминание о Пэтси повергло его в страх и окутало мраком. Хотя, возможно, виной тому были наряды тетушки Куин.

В дверь громко постучали.

– Открывай, маленький хозяин, – раздался голос Жасмин. – Открой и дай мне посмотреть на этого ребенка, не то, клянусь Богом, я вызову шерифа.

– Квинн! Квинн! – послышался следом мягкий и рассудительный голосок Сайнди. – Пожалуйста, позволь мне взглянуть на Мону!

– Хватай ее, – велел я Квинну. – Бегите мимо них на лестницу, а потом вниз, к машине. Я сразу за вами.

Глава 6

За три минуты, если не меньше, мы выбрались из дома и оказались возле машины. Чтобы не встревожить еще больше вопившую нам вдогонку толпу, двигаться приходилось со скоростью смертных. У Моны хватило ума прикрыть лицо перьями, украшавшими накидку, так что все, что можно было увидеть, это рыжую шевелюру и болтающиеся в воздухе ступни в украшенных драгоценными камнями туфлях. Бросив на ходу несколько предельно вежливых фраз провожающим, мы приказали совершенно невозмутимому Клему немедленно трогаться и ехать в Новый Орлеан.

Если быть точным, приказ отдал я, сопроводив его короткой улыбкой. В ответ водитель с саркастическим выражением на лице лишь молча пожал плечами, и вскоре громадный лимузин уже шуршал шинами по гравию подъездной аллеи.

Мона сидела между мной и Квинном на заднем сиденье, а я начал мысленно обследовать Новый Орлеан в поисках вероятных жертв.

– Я слышу голоса, доносящиеся словно непрерывный гул из глубин ада, – сказал я. – Соберись, крошка. Я ищу неисправимых злодеев – жестоких, бездушных смертных, которые пожирают тех, кто сломлен судьбой, или же сломленных судьбой и пожирающих друг друга. Мне всегда было интересно (хотя ответ я так и не нашел), останавливается ли когда-нибудь хоть один отпетый головорез, чтобы взглянуть на лиловое вечернее небо или на ветви дуба, раскинувшиеся над головой. Торговцы крэком, детоубийцы, тинейджеры, всего лишь на пятнадцать минут превратившиеся в бандитов (морг в этом городе никогда не пустует), – источник злодейства и морального невежества неистощим.

Мона, как замороженная, с мечтательным видом смотрела в окно, не пропуская ни одной детали меняющегося пейзажа. Куин обладал способностью слышать голоса на расстоянии и мог различать их издали. Он сгорал от любви к Моне, но отнюдь не чувствовал себя счастливым.

Выехав на шоссе, лимузин набрал скорость.

У Моны от восторга перехватило дыхание, и она буквально вцепилась мне в левую руку. Новообращенные члены нашего племени непредсказуемы. Они словно бы пребывают в состоянии опьянения.

– Слушай, – сказал я. – Вот как мы с Квинном.

– Я слышу их, – ответила Мона, – но не могу выделить хотя бы один конкретно. Мне не распутать этот клубок. Ты только взгляни на деревья. Хорошо, что стекла в этой машине не тонированные. Мэйфейры всегда тонируют окна своих лимузинов.

– У тетушки Куин не было такой привычки, – отозвался Квинн, неотрывно глядя вперед во власти множества людских голосов. – Она предпочитала прозрачные стекла, чтобы ничто не мешало видеть все вокруг. Ей было плевать, если люди заглядывали внутрь.

– Надеюсь, все утрясется, – прошептала Мона.

– Этого никогда не случится, – возразил Квинн. – Просто будет становиться все лучше и лучше.

– Тогда вы должны мне доверять. – Ее пальцы крепко сжали мою руку. – Не надо так за меня бояться. У меня есть просьба.

– Давай выкладывай, – сказал я.

– Я хочу, чтобы мы проехали мимо моего дома... то есть мимо дома Мэйфейров на углу Первой улицы и Честнатстрит. Я два года провела в больнице и все это время его не видела.

– Нельзя, – возразил я. – Роуан почувствует твое присутствие. Как и в особняке Блэквудов, она не узнает, кем ты стала, но поймет, что ты рядом. Так что мы туда не поедem. Когда-нибудь – да, но не сейчас. Вспомни лучше о своей жажде.

Мона не стала спорить и лишь согласно кивнула. Я чувствовал, что она ни в чем не станет мне перечить.

Но я понимал, что ее одолевают тяжелые мысли, гораздо более мрачные, чем те, что обычно возникают у новичков при воспоминании о прошлой жизни. Что-то держало ее мертвой хваткой, что-то связанное со странными образами, которые она позволила мне увидеть во время Обряда Тьмы... Дитя-монстр, женщина-младенец... Что же это было за существо?

Я закрыл свой разум от Квинна. Не стоило пока посвящать его во все это. Но он вполне мог уловить эту информацию во время совершения Обряда. В те минуты я целиком и полностью сосредоточился на Моне, а это было рискованно.

Квинн мог видеть все то же, что и я. И мог читать ее мысли сейчас. Впрочем, я знал, что она не готова поднять завесу над своей тайной.

Лимузин мчался над озером, вода в котором словно застыла, отчего озеро походило на некое огромное мертвое существо. Облака торжественно вздымались под молодой луной. Вампирам дано видеть облака, недоступные взорам людей. Утратив веру, можно черпать силы для жизни, опираясь на подобные вещи – на бесконечную смену причудливых очертаний облаков, на обманчивое чувство близости к луне.

– Нет, мне надо туда поехать, – неожиданно сказала Мона. – Я должна увидеть этот дом. Должна.

– Это что еще за неповиновение? – возмутился я. – Только минуту назад я мысленно похвалил тебя за то, что ты не стала мне перечить!

– Что? Мне полагается награда? – огрызнулась она, хотя в голосе явственно слышались слезы. – Нам не обязательно приближаться к дому. Мне просто нужно увидеть улицы Садового квартала.

– О да, конечно, – тихо сказал я. – Ты хочешь вытащить их из дома, лишит их покоя? Ты готова на многое ради этого. Я, конечно, не настаиваю на том, чтобы ты вела себя иначе. Понимаешь, я просто стараюсь общаться с тобой и с мистером Квинном как с порядочными молодыми людьми. Я – другое дело. Я всегда был негодяем.

– О мой возлюбленный босс, – с невинным видом взмолилась Мона, – позволь мне только подъехать чуть-чуть ближе, настолько, насколько ты считаешь возможным. Нет, я не хочу причинять им беспокойство. Даже думать об этом не хочу. Но я была в одиночном заключении целых два года.

– Так куда же мы направляемся, Лестат? – спросил Квинн. – Будем охотиться в центре города?

– На городских задворках – вот как я предпочитаю это называть, – усмехнулся я. – Никто из мне подобных не назовет центром города место, где кирпичи давно покрылись плесенью. Слушай город, Мона.

– Я слышу его, – кивнула она. – Похоже на шум открывшейся плотины. А потом появляются отдельные голоса. Много отдельных голосов. Кто-то с кем-то спорит, кому-то угрожает... Слышны даже приглушенные выстрелы...

– Несмотря на жару, в городе полно народа, – сказал я. – Люди вышли на улицы, меня до одури захлестывают их мысли. Будь я святым, пришлось бы слушать их без конца.

– Да, словно молитвы, – согласилась Мона. – Все эти мольбы и просьбы.

– Такова обязанность святых, – уверенно произнес я, как будто мне это было известно. А потом меня будто оглушили одним ударом. Я почувствовал их присутствие...

Квинн наткнулся на них одновременно со мной.

– Бог ты мой, – изумленно прошептал он.

– Не выпускай их из виду, – велел я.

– О ком вы? – спросила Мона, оборачиваясь к Квинну и глядя ему прямо в глаза. – Я их не слышу.

О, это была самая настоящая удача! Я был вне себя от злости и одновременно счастлив до безумия. Я сфокусировал свое виденье.

Да, все верно: питаются, убивая наугад. Парочка вампиров – мужчина и женщина, невероятно жестокие по природе, но при этом манерные и с претензиями, одетые в фирменные кожаные шмотки и увешанные золотом, они упиваются своим могуществом, хозяйничают в Новом Орлеане и отпускают шуточки в адрес «великого вампира Лестата», в существование которого на самом деле не верят (а кто верит?). Напившись крови, они гуляют по моему Французскому кварталу, а потом направляются в роскошное логово в дорогом отеле, запирают дверь на ключ, включают телевизор и веселятся, их смех эхом отражается от потолка. Дело сделано, невинные жертвы брошены в безлюдных переулках, а они наслаждаются музыкой или картинами из жизни смертных на цветных экранах и ощущают себя исключительными существами, намереваясь выпастись днем в отвратительных старых склепах с побеленными стенами на кладбище Сент-Луис. Очень дерзко с их стороны! Сами того не подозревая, ждут своей смерти.

Я откинулся на сиденье и тихо рассмеялся.

– Какая жирная добыча! Просто роскошная нечисть! Не сомневайся, Мона готова. Кровь врага как быстродействующий наркотик. Идеальный вариант для Моны. И чем скорее она научится драться с себе подобными, тем лучше для нее. И тебе, Квинн, не помешает. Ты еще не сталкивался с такими великолепными отбросами, как эти.

– Но для нее все должно пройти безупречно, Лестат, – сказал Квинн. – Ты же знаешь, что произошло в мою первую ночь. Я допустил промах. Я не могу позволить, чтобы с ней случилось что-нибудь скверное...

– Ты разбиваешь мое хрупкое сердечко, – притворно возмутился я. – Разве вы с Моной одни? Я же с вами! Ты действительно думаешь, что я не справлюсь с этой парочкой бродяг? Это с тобой, Квинн, я почти ручной и добродушный. Ты забываешь, кто я на самом деле. Впрочем, возможно, я и сам об этом забыл.

– Но чем все это закончится? – не унимался Квинн.

– Ты так неподдельно наивен, – заметил я.

– Мог бы уже привыкнуть! – сказал он и без паузы продолжил: – Извини! Прости меня... Просто я...

– Послушайте меня, вы, оба, – сказал я. – Речь идет о порождениях ада. Они шатаются по вечности не более десятка лет – в самый раз, чтобы возомнить себя всесильными. Естественно, прежде чем разделаться с ними, я изучу их души. А пока достаточно и того, что я знаю: они преступили закон, и они мне не нравятся. Кровь вампиров всегда горяча, и схватка пойдет нам на пользу. Эти прожорливые подонки вторглись на мою территорию, нарушили покой на моих улицах и заслуживают смерти. Сейчас, когда вас мучает жажда, у меня есть время, чтобы вынести и огласить приговор. Остальное меня не интересует. Все. Больше никаких вопросов.

– А мне вот интересно, какова их кровь на вкус, – хихикнула Мона. – Но я не стану спрашивать об этом у тебя.

Просто я, как ты выразился, готова к этому.

– Не ехидничай, – заметил я. – Хочешь побороться? Со смертными драться неинтересно, потому что силы неравны. Ни один уважающий себя бессмертный не станет делать это без крайней необходимости. А вот сражение с этими милашками доставит мне удовольствие. Никогда не знаешь, какой силой они обладают. Их кровь несет испепеляющие образы, гораздо более мощные, чем хранящиеся в крови смертных.

Мона еще крепче сжала мою руку.

Квинн выглядел подавленным. Он вспоминал свою первую ночную охоту. Это случилось в Неаполе. Невесте прямо во время свадьбы взбрело в голову подшутить над новоиспе-

ченным супругом и заставить его ревновать. Она затащила Квинна в спальню, а он осушил ее до последней капли. При этом первый глоток выплеснулся у него изо рта и забрызгал все свадебное платье. Квинн не мог забыть этот ужасный момент и переживал его снова и снова.

– Послушай, братишка, – сказал я, – это были обычные люди. Ну-ка посмотри на меня.

Квинн повернулся ко мне лицом, и в свете мелькавших на обочине фонарей я впился взглядом в его глаза.

– Знаю, что до сих пор я разыгрывал из себя умудренного жизнью, изысканного и добропорядочного европейца, – заговорил я. – Но сейчас перед тобой не столь деликатное существо. Я не должен забывать твой рассказ о своей жизни. О том, что тебе довелось испытать. Смерть тетушки Куин стала для тебя тяжелейшим ударом. Вот почему ты достоин только хорошего, и я дам тебе все, что смогу. Но я обязан избавить мир от этих двух охотников за кровью. И вам с Моной не следует упускать такую возможность.

– Но что, если они обладают большой силой? Вдруг их, как и меня, создал кто-то очень древний? – спросил он.

Я вздохнул.

– Я дал тебе свою кровь, Квинн. И Мона была создана с ее помощью. Это моя кровь, Квинн. Теперь они для тебя не соперники. И для Моны тоже, уверяю тебя.

– Я хочу это сделать! – моментально вмешалась Мона. – Если ты говоришь, что они заслужили, значит, заслужили – мне этого достаточно, возлюбленный босс. Я просто не могу выразить словами, что сейчас чувствую, как мне не терпится схватиться с ними. Но ведь это естественно! Наверное, так проявляется моя человеческая сущность, которая не умрет никогда. Я права?

– Да, – подтвердил я. – Совершенно права.

– Здорово! – обрадовалась Мона. – Я с ними разберусь. Но кое-что меня все-таки смущает...

– Потом поделишься, мы практически прибыли, – сказал я.

В свете проезжавших мимо машин я хорошо видел, что Квинн старается держать себя в руках.

– А что, если они начнут молить о пощаде? – спросил он.

– Это было бы очень даже неплохо, – усмехнулся я. – Ты так не думаешь? В качестве компенсации за все невинные жертвы?

Квинн никак не хотел сдаваться:

– А если они тебя любят?

Глава 7

А теперь я хочу взять небольшой тайм-аут и посвятить его размышлениям о святости. Вы, конечно, помните о моей недостижимой мечте стать святым.

Итак, Папу мы благополучно оставили в его обители, но за время, которое ушло на описание последних событий (не волнуйтесь, через пять минут мы вернемся на место действия), Папа побывал в Торонто, Гватемале и Мехико. В Мехико он канонизировал святого.

Почему я упоминаю об этом, если Папа во время своего не слишком долгого путешествия совершил множество других благих дел, в том числе причислил двоих к лику блаженных и канонизировал одного святого из Гватемалы?

Да потому, что меня до глубины души трогают обстоятельства жизни этого святого из Мехико, простого индейца («коренного жителя», как именовали его в некоторых газетных заголовках) по имени Хуан Диего, которому в одна тысяча пятьсот тридцать первом году явилась Святая Дева Гваделупская. Однако, когда индеец рассказал об этом местному испанскому епископу, тот, естественно, отнесся к его рассказу скептически. Но все изменилось, после того как Дева сотворила двойное чудо. Сначала она подарила Хуану Диего возможность собрать для епископа восхитительные красные розы, загадочным образом выросшие на заснеженной вершине горы, где и жил индеец. И когда этот низкорослый парень радостно развернул перед епископом свое пончо и продемонстрировал чудесные цветы, на самом пончо появилось цветное изображение Богородицы. Сомнений в том, что это Дева Мария, ни у кого не возникло, только цвет кожи у нее был таким же, как у индейцев.

Это самое пончо, сотканное из волокон кактуса, со знаменитым изображением Девы Марии, до сих пор в целости и сохранности висит в кафедральном соборе Мехико. Тысячи прихожан ежедневно приходят, чтобы ему поклониться, и нет ни одного христианина, который бы хоть раз в своей жизни не видел лик Пресвятой Девы Гваделупской.

Вот так. Я люблю эту историю. Всегда любил. То, что случилось с Хуаном Диего, просто прекрасно. Как-то он брел через горы, и Богородица окликнула его по имени: «Хуанито!» Ну разве не трогательно? Умиляет еще и то, что после этих чудес тысячи индейцев обратились в христианство. И конечно, здорово, что Папа Иоанн Павел II, больной, восьмидесятидвухлетний, отправился в Мехико, чтобы канонизировать Хуана Диего.

Но критики Папы не испытывают восторга по этому поводу. В прессе таких людей называют скептиками, напрасно сотрясающими воздух. Они заявляют, что нет доказательств существования Хуана Диего.

Ну не глупость ли?!

Ясно одно: они не способны постичь духовную сущность римского католицизма.

Если невозможно подтвердить, что Хуан Диего существовал на самом деле, очевидно, что никто не может доказать обратное.

Предположим на минутку, что Хуан Диего – фигура вымышленная. Папа при этом остается непогрешимым. «И что свяжешь на земле, то будет связано на небесах»¹⁰, – сказал Христос Петру. Правильно?

Даже самые оголтелые критики понтификата признают его удивительным феноменом.

Следовательно, нет сомнений в том, что в ту секунду, когда Иоанн Павел объявил Хуана Диего святым, этот парень тут же объявился на небесах! А теперь представьте, что в такой момент могло твориться в голове Хуана. И не забывайте, что это всего лишь «коренной житель» Америки. И вот он оказывается на небесах, которые (кто бы ни пытался их описать) не поддаются описанию.

¹⁰ Матф. 16:19. (Прим. перев.)

Итак, если последние описания, данные нам мистиками, соответствуют действительности и Царство Небесное, где мы окажемся, после того как войдем в Свет, полностью соответствует нашим представлениям, Хуан Диего, чье мировоззрение основывалось на аргументах и решениях римской курии, возможно, бродит там в своем сотканном из волокон кактуса пончо и собирает розы. Интересно, есть у него какая-нибудь обувь или он бродит босиком?

Ему предопределено одинокое существование? Конечно нет. Такое может прийти в голову только атеисту. В моем представлении таинственное Царство Небесное – это удивительный фейерверк чудес.

Но давайте спустимся к подножию Синая. Хуан Диего в своем вечно цветущем саду может при желании водить компанию с дюжинами других святых, которые не спускаются на Землю, в том числе с родителями Девы Марии Иоакимом и Анной, а также с моей личной знакомой – святой Вероникой.

Впрочем, более вероятно, что Хуана Диего осаждают своими бесконечными петициями богомольцы. Голоса «коренных жителей» его земли, а также наследников их колонизаторов связывают его со страданиями и болью планеты, которую он покинул.

О чем я?

Все просто. Существовал Хуан Диего на самом деле или нет, он, скорее всего, с головой погружен в работу: продирается через астральные наложения своей человеческой души, внимательно выслушивает верующих и передает их просьбы Всевышнему. Наверняка так. Значение святого Хуана неопределимо. И нет никаких сомнений в том, что Дева Мария Гваделупская благосклонно взирала на все новые потоки туристов и паломников, посещающих Мехико.

А Папа вернулся в Ватикан. За свою жизнь он канонизировал четыреста шестьдесят три святых.

Хотел бы я быть одним из них. Может, именно поэтому я и написал эту главу. Я завидую Хуану Диего...

Но я не святой. Вам потребовалось не более пяти минут, чтобы убедиться в этом, так что не жалуйтесь. Я просто не могу справиться с желанием быть официально канонизированным.

Увы. Alors. Mais. Eh bien. Переходим к восьмой главе.

Глава 8

Итак, никто не может обвинить меня в том, что за свое двухсотлетнее существование я обрел соответствующую возрасту мудрость. Мне известен только один способ продвижения вперед.

Клем высадил нас напротив отеля – нового, довольно-таки роскошного и очень дорогого, стоявшего, можно сказать, в самом центре города. Его официальным адресом была Кэнал-стрит (запущенная улица, своего рода граница, разделявшая Новый Орлеан), а главный вход был расположен со стороны Французского квартала (того маленького мира, которому я отдаю предпочтение).

Мона пребывала в таком трансе, что нам с Квинном пришлось подхватить ее с двух сторон и тащить до лифта. Естественно, в вестибюле не было ни одного человека, который бы не обратил на нас внимание, – и не потому, что мы были бессмертными кровопийцами, намеревавшимися уничтожить парочку себе подобных на пятнадцатом этаже, а потому, что мы выглядели невероятно эффектно, особенно Мона – в украшенной перьями блестящей накидке и в туфлях на угрожающе высоких каблуках.

К этому моменту жажда мучила Квинна не меньше, чем Мону, и вела его к цели.

А я все еще размышлял в поисках ответов на вопросы, которые он задавал в лимузине. Поэзия... Любовь... И я, тайно мечтающий стать святым! О, как долга и утомительна жизнь! И помните, мои драгоценные Дети Ночи, что я говорил о телепатии: как бы хороша она ни была, к реальности она не имеет отношения.

Как только мы добрались до нужного номера, я толкнул дверь, но не особенно сильно – коль скоро я собирался закрыть ее за собой, петли следовало оставить на месте. Картина, которая предстала моим глазам, когда я по-кошачьи бесшумно прокрался в комнату, поразила меня до глубины души.

О, что за существа обитают в Садах Зла на этой Земле!

Парочка скитальцев танцевала в полумраке под волнующую, чувственную музыку – концерт Бартока для скрипки с оркестром. Громкие звуки заполняли все пространство гостиничного номера. Печальная, душераздирающая, всепоглощающая музыка призывала отбросить никчемную мишуру земного существования и ощутить, что значит настоящее величие.

Парочка производила гораздо лучшее впечатление, чем я ожидал, однако на бордовом диване в глубине комнаты я заметил смертных детей. Бесчувственные, они лежали там как придется, а синяки и царапины свидетельствовали о том, что время от времени несчастным приходилось служить источниками крови.

Дверь закрылась, но эти двое нарушителей всех наших законов целиком отдались во власть танца и грандиозной музыки и даже внимания не обратили на троих непрошенных гостей.

Внешность у них была весьма эффектной: высокие, смуглокожие, с черными как смоль волосами до пояса (оба семиты или арабы по происхождению), с крупными чертами лица и великолепно очерченными губами. Грациозные от природы, они с закрытыми глазами и безмятежным выражением на лицах изгибались, раскачивались, мычали, не разжимая губ, в такт музыке. Мужчина, который внешне мало чем отличался от женщины, то и дело откидывал назад свою роскошную шевелюру, а потом одним круговым движением головы окутывал себя длинными прядями.

На них была сногшибательная одежда из блестящей черной кожи – обтягивающие брюки и жилеты без воротников. На плечах и запястьях сверкали золотые браслеты. Время от времени они заключали друг друга в объятия, а потом вновь расходились в стороны.

Потом женщина, не прекращая танца, подошла к дивану с лежащими на нем детьми, выбрала маленького мальчика и начала из него пить.

При виде этой жуткой картины Мона вскрикнула. Два вампира застыли на месте и уставились на нас. Их движения были настолько синхронными, что можно было подумать, будто это два автомата, управляемые из одного операционного центра. Бесчувственный мальчик был отброшен на диван.

Сердце у меня в груди превратилось в маленький тугой узел. Музыка – душераздирающий, печальный, жалобный голос скрипки – затопила сознание.

– Квинн, выруби это, – велел я.

Не успел я закончить фразу, концерт Бартока прервался. В номере воцарилась звенящая, вибрирующая тишина.

Вампиры прижались друг к другу и стали похожи на изваяние.

У них были тонкие изогнутые брови, тяжелые веки и густые ресницы. Арабы? Да, с улиц Нью-Йорка. Брат с сестрой... мелкие торговцы... приходилось много трудиться... тяжелая работа... было по шестнадцать, когда их создали... – информация волнами исходила от них вместе с преклонением передо мной и бьющей через край радостью, вызванной моим появлением. О Господи, дай мне сил! Мой Хуан Диего, ты свидетель!

– Мы и не мечтали, что когда-нибудь увидим тебя наяву! – Женщина, говорила с явным акцентом. Низкий, чарующий голос был исполнен благоговения. – Мы надеялись, молились, и вот ты здесь. Это и правда ты!

Она раскинула и протянула ко мне восхитительные руки.

– Почему вы убивали невинных в моем городе? – шепотом спросил я. – Где вы взяли этих детей?

– Но и ты, ты сам пил кровь детей! Об этом написано в «Хрониках». – Мужчина говорил спокойно, с уважением и с таким же, как у сестры, акцентом. – Мы подражаем тебе! Что мы сделали такого, чего не делал ты!

Узел у меня в груди затянулся еще туже. Отвратительные деяния, проклятые признания. Господи, прости меня.

– Вы знаете о моем запрете, – сказал я. – Все знают, что я велел держаться подальше от Нового Орлеана, что этот город принадлежит мне. Кто не знаком с этим запретом?

– Но мы пришли поклониться тебе! Для нас ты стал легендой, – сказал мужчина. – Мы уже бывали здесь прежде, и тебя это никогда не беспокоило.

И тут они поняли, какую роковую ошибку совершили.

Мужчина рванулся к двери, но Квинн без особых усилий перехватил его за руку и развернул на сто восемьдесят градусов.

Женщина в шоке стояла посреди комнаты и неотрывно смотрела на меня черными как уголь глазами.

– Нет! – наконец воскликнула она. – Нет, ты не можешь просто взять и уничтожить нас, ты не сделаешь этого. Ты не заберешь наши бессмертные души, не заберешь. Ты наш кумир, мы во всем подражаем тебе. Ты не можешь так с нами поступить. О, молю, сделай нас твоими слугами, научи нас всему. Ты будешь нашим господином! Нашим наставником во всем.

– Вам известны правила, – продолжал настаивать я. – Вы позволили себе их нарушить. Думали, что можете появляться здесь, творить беззакония и безнаказанно исчезать. Вы убивали детей, прикрываясь моим именем? Вы делали это в моем городе? Вы ничего не поняли из того, что я написал в «Хрониках». И не тычьте мне в нос моими признаниями. – Меня начало трясти. – Вы думаете, что я исповедался в своих деяниях для того, чтобы вы мне подражали? Мои прегрешения не идут ни в какое сравнение с вашими мерзостями.

– Но мы преклоняемся перед тобой! – воскликнул мужчина. – Мы пришли сюда как паломники. Приблизь нас к себе, и мы исполнимся твоим благородством. Ты сделаешь нас совершеннее.

– Вам нет и не может быть оправдания, – заявил я. – Приговор вынесен. Кончено.

Мона сдавленно вскрикнула. Лицо Квинна явственно свидетельствовало, какая борьба происходит в его душе.

Мужчина напрягся изо всех сил и попытался вырваться. Квинн одной рукой удерживал его за плечо.

– Отпусти нас, – взмолился мужчина. – Мы уйдем из твоего города. И предупредим других, чтобы они никогда сюда не являлись. Мы засвидетельствуем и подтвердим непреложность твоего приказа. Везде, где нам суждено будет оказаться, мы будем рассказывать, что видели тебя и слышали запрет из твоих собственных уст.

– Пей, – велел я Квинну. – Выпей всю кровь до последней капли. Пей так, как еще никогда прежде.

– Мне ничего для тебя не жаль! – прошептал мужчина и закрыл глаза. Всякое желание сопротивляться покинуло его. – Я отдаю тебе свою любовь.

Квинн без колебаний ухватил мужчину за роскошную гриву выющихся волос, повернул его голову и запрокинул ее назад – так, чтобы оголилась шея, а потом прикрыл глаза и вонзил клыки в жертву.

Мона как зачарованная наблюдала за Квинном и наконец решительно повернулась к женщине. Жажда преобразила ее лицо. Казалось, она пребывает в полусне, однако взгляд ее сосредоточился на жертве.

– Она твоя, – сказал я.

Женщина без страха смотрела на Мону.

– Ты так прекрасна! – Она отчетливо произносила каждое слово. – Так прекрасна! Ты пришла забрать мою кровь. Я отдаю тебе ее, вот, бери. Только подари мне вечность.

Она развела руки как для объятий – великолепные руки, унизанные золотыми браслетами, длинные пальцы манили к себе.

Мона двигалась словно в трансе. Она обхватила левой рукой и наклонила назад стройное, податливое тело женщины, отбросила волосы с ее лица и начала пить.

Я наблюдал за Моной. Это всегда настоящее зрелище – вампир, поглощающий кровь. Внешне самый обычный человек вонзает зубы в себе подобного, глаза его при этом закрыты, как будто он погружен в глубокий сон. Все происходит беззвучно, только жертва содрогается и корчится в смертоносных объятиях, в то время как даже пальцы вампира остаются неподвижными, пока он наслаждается кровью.

Итак, Мона встала на Путь Дьявола, она причастилась и не нуждается в подсказках – жажда крови ведет ее.

Мужчина рухнул на пол. Квинн в полубессознательном состоянии, покачиваясь, отошел назад.

– Так далеко... – прошептал он. – Очень древний, из Иерихона... Только представь, он сотворил их и ничему не научил! Что мне делать с этой россыпью драгоценных образов? С этими удивительными откровениями?

– Сохрани их, – посоветовал я. – Там, где хранишь то, что тебе наиболее дорого. Придет время, и они тебе понадобятся.

Я медленно подошел к Квинну, поднял с пола обмякшее тело жертвы, отнес его в роскошную, выложенную кафелем ванную комнату и бросил несчастного в окруженную ступенями из зеленого мрамора ванну внушительных размеров.

Жертва Квинна походил теперь на брошенную за ненадобностью марионетку без веревочек. Глаза у мужчины – великолепного сочетания бронзовых конечностей, блестящего золота и густых черных кудрей – закатились. Он бормотал что-то на своем родном языке.

Вернувшись в комнату, я обнаружил, что Мона и ее жертва стоят на коленях. Мона вдруг резко откинулась назад, и на мгновение мне показалось, что она вот-вот лишится чувств и они так и останутся вместе, в объятиях друг друга. Однако Мона встала и подняла женщину на руки.

Я позвонил ей к себе.

Мона несла свою жертву, как мужчина обычно несет женщину: одной рукой держала ее за плечи, а второй – под коленями. Черные волосы густым потоком свисали почти до пола.

– Туда, в ванну, к ее спутнику, – приказал я.

Мона уверенно зашвырнула женщину в ванну и оставила лежать там, рядом с мужчиной.

Женщина не издала ни звука: она была без сознания.

– Их творец был старым, – шепотом, словно боялась их разбудить, сказала Мона. – Он блуждал по вечности, не всегда понимая, кем является на самом деле. Он сотворил этих двоих, чтобы они ему прислуживали. Они всему учились сами. Они были очень жестокими, и это доставляло им удовольствие. Они собирались убить тех детей в комнате и оставить их там.

– Хочешь поцеловать их на прощание? – спросил я.

– Они мне противны, – сонным голосом ответила Мона. – Но почему они так красивы? У них такие чудесные волосы. Они не виновны в том, что стали такими. Их души, возможно, были прекрасны.

– Ты действительно так думаешь? Ты не чувствовала их добрую волю, когда пила ее кровь? Не ощутила мощного выброса современного знания? Позволь спросить, в чем состоял смысл их существования помимо уничтожения невинных душ? Может быть, в танцах под прекрасную музыку?

Квинн, привлеченный моими словами, подошел к Моне сзади и обнял ее за плечи. Она приподняла брови и согласно кивнула.

– Смотрите и запоминайте, – сказал я.

Я собрал все свои силы и выпустил на волю огонь. Святой Лестат должен быть милосердным. На секунду я увидел в языках пламени черные кости тех, что лежали в ванне, жар ударил мне в лицо, и в эту секунду, в эту одну-единственную секунду их кости шевельнулись.

Огонь взвился до потолка, опалил его и тут же исчез. На дне огромной ванны остался лишь черный маслянистый осадок.

У Моны перехватило дыхание, только что выпитая кровь ударила ей в лицо. Она шагнула вперед и уставилась на пузырящуюся черную жижу. Квинн от ужаса потерял дар речи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.